

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра иберо-американской филологии и коммуникативистики
Испано-Российский центр языка и культуры ЮФУ

Российское Общество дружбы с Кубой

ПРОЕКТ «РУССКИЙ ЯЗЫК НА КУБЕ»

Н. В. Карповская, Д. А. Толстова, И. И. Давтянц

Русская литература. Вводный курс.

Учебно-методический комплект
для испаноговорящих обучающихся

Ответственный редактор: И. Р. Абкадырова

Учебное пособие

Ростов-на-Дону – Таганрог
2017

УДК 821.161.1(075.8.054.6)"18/19"

ББК 83.3(2=411.2)я73

К77

Учебное пособие разработано в рамках проекта Российского Общества дружбы с Кубой и Южного федерального университета «Русский язык на Кубе», координатором проекта выступил Испано-Российский центр языка и культуры Южного федерального университета

Карповская, Н. В.

К77 Русская литература. Вводный курс : учебно-методический комплект : учебное пособие / Н. В. Карповская, Д. А. Толстова, И. И. Давтянц ; Южный федеральный университет ; отв. ред. И. Р. Абкадырова. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2017. – 72 с.

ISBN 978-5-9275-2669-7

Учебное пособие предназначено для студентов, начинающих изучать русский язык как иностранный. Состоит из разделов, посвященных выдающимся русским писателям XIX и XX веков и их произведениям. После каждого раздела предлагаются вопросы для закрепления материала.

В пособии представлены отрывки из произведений *А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, М.А. Шолохова*, а также их переводы на испанский язык, выполненные М. Санчес Пуиг, Х. Венто Молина, Р. Флоресом Арсила, Р. Сан Висенте, Л. Абольедо Варгасом, В. Гальего Бальестеро, Р. Портасом, О. Шатровым, О. Старовойтовой, Х. Хименесом, Т.Нуньо Ораа, Л. Герреро и Педро Камачо.

Основная цель образовательной программы: создание условий для разработки и реализации международных программ обучения кубинских студентов русскому языку, русской культуре и литературе, формирование долгосрочных отношений между ведущими российскими и кубинскими вузами, проведение культурно-просветительских, образовательных и научно-методических мероприятий, направленных на популяризацию русского языка и стимулирование интереса кубинских граждан к его изучению, поддержание крепких дружественных отношений среди российско-кубинской молодежи.

Публикуется в авторской редакции.

УДК 821.161.1(075.8.054.6)"18/19"

ББК 83.3(2=411.2)я73

ISBN 978-5-9275-2669-7

© Южный федеральный университет, 2017

© Карповская Н.В., Толстова Д.А.,

Давтянц И.И., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Introducción	4
Великий русский поэт Александр Пушкин	5
<i>El gran poeta ruso Aleksandr Pushkin</i>	6
Михаил Лермонтов – выдающийся представитель русского романтизма	15
<i>Mijaíl Lérmontov – el representante más distinguido del Romanticismo ruso</i>	16
Александр Грибоедов – дипломат, поэт, драматург	28
<i>Aleksandr Griboyédov – diplomata, poeta y dramaturgo</i>	29
Иван Тургенев – самый знаменитый представитель русского реализма	35
<i>Iván Turguénev como el representante más famoso del Realismo ruso</i>	36
Прославленный классик мировой драматургии Антон Чехов	44
<i>El clásico ilustre de la dramaturgía mundial Antón Chéjov</i>	45
Сергей Есенин и «крестьянская» поэзия	54
<i>Serguéi Yesenin y la poesía “campesina”</i>	55
Владимир Маяковский – верный поэт Революции	58
<i>Vladímir Mayakovski – un poeta leal de la Revolución</i>	59
Михаил Шолохов – знаменитый советский писатель, Лауреат Нобелевской премии по литературе	61
<i>Mijaíl Shólojov – un famoso escritor soviético, Laureado del Premio Nobel de Literatura</i>	62

Введение

Русская литература представляет собой один из важнейших элементов мировой и русской культуры. Она отражает искания и мировоззрение русскоязычных писателей и поэтов различных эпох. На каждом этапе ее развития можно назвать множество авторов. Во всем мире знают имена А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.А. Шолохова и многих других. Произведения русских писателей переведены на многие языки мира. Пять русских авторов удостоены Нобелевской премии в области литературы – И.А. Бунин, Б.Л. Пастернак, М.А. Шолохов, А.И. Солженицын, И.А. Бродский.

В настоящем издании рассказывается о жизни и творчестве выдающихся русских писателей XIX и XX века: А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, М.А. Шолохова. После каждого раздела представлены вопросы для закрепления материала.

Introducción

Reflejando una búsqueda espiritual y visión del mundo de los escritores y poetas rusohablantes de diferentes épocas, la Literatura Rusa se ha convertido en una parte indispensable de la Cultura Rusa y Universal. En todas las etapas de su desarrollo podemos encontrar los nombres de muchos autores famosos. Gozan de fama mundial las obras de A. Pushkin, N. Gógol, I. Turguénev, F. Dostoyévski, L. Tolstoi, A. Chéjov, M. Shólojov y de otros escritores rusos. Muchas de estas obras están traducidas a diferentes lenguas. Cinco autores de Rusia ganaron el Premio Nobel de Literatura – I. Bunin, B. Pasternak, M. Shólojov, A. Solzhenitsyn, I. Brodski.

Este Libro de Textos contiene una información breve sobre la vida y obras de los escritores destacados de los siglos XIX y XX: A. Griboyédov, A. Pushkin, M. Lérmontov, I. Turguénev, A. Chéjov, S. Yesenin, V. Mayakovski, M. Shólojov. Después de cada capítulo hay unas preguntas para repasar su contenido.

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЭТ АЛЕКСАНДР ПУШКИН

(1799-1836)

Александр Сергеевич Пушкин – величайший русский поэт, прозаик и драматург. А.С. Пушкина называют родоначальником новой русской литературы и современного русского литературного языка.

Пушкин родился 6 июня 1799 года в Москве. В доме его родителей часто собирались поэты, художники, музыканты. Большое влияние на воспитание маленького Александра оказала его русская няня, крестьянка Арина Родионовна, и французские гувернеры.

В 1811 году Пушкин поступил на обучение в Царскосельский лицей под Санкт-Петербургом. В Лицее царица особая гуманистическая атмосфера. Друзья, с которыми Пушкин познакомился там, остались с ним на всю жизнь.

После Лицея Пушкин поступил на службу в Коллегию иностранных дел. Идеи гражданской свободы, политического радикализма нашли отражение и в стихах, и в поведении юного Пушкина. Из-за этого его неоднократно выслали из столицы. У Пушкина были непростые отношения с императором Николаем I. Многие его работы не проходили цензуру.

18 февраля 1831 Александр Пушкин обвенчался с Натальей Гончаровой, признанной красавицей, покорившей впоследствии императорский двор. У них родилось четверо детей. Семья жила не очень богато, и чтобы прожить, была вынуждена занимать деньги в долг.

Александр Сергеевич Пушкин умер 29 января 1836 от ранения в живот, полученного в результате дуэли с Жоржем Дантесом, который по

слухам, ходящим при дворе, начал ухаживать за Натальей Николаевной. Поведение и роль жены поэта в событиях, ставших причиной дуэли, являются предметом дискуссий по настоящее время.

Самые известные произведения А.С. Пушкина: роман в стихах «*Евгений Онегин*», поэмы – «*Руслан и Людмила*», «*Кавказский пленник*», «*Полтава*», «*Медный всадник*», драматические произведения – «*Борис Годунов*», «*Скупой рыцарь*», «*Моцарт и Сальери*», «*Каменный гость*», «*Пир во время чумы*», проза – «*Повести покойного Ивана Петровича Белкина*», «*Пиковая дама*», «*Дубровский*», «*Капитанская дочка*», сказки и стихотворения.

EL GRAN POETA RUSO ALEKSANDR PUSHKIN

Aleksandr Serguéyevich Pushkin es un gran poeta, dramaturgo y novelista ruso. Se considera el fundador de la nueva literatura y lengua literaria rusas.

A.S. Pushkin nació el 6 de junio de 1799 en Moscú. En la casa de sus padres solían reunirse poetas, artistas, músicos. Además en la crianza y la educación de Aleksandr influyeron mucho su niñera rusa Arina Rodiónovna que era una campesina y sus preceptores franceses.

En 1811 Aleksandr Pushkin se matriculó en el Liceo Imperial de Tsárskoye Seló que se ubicaba cerca de San Petersburgo. En el Liceo reinaba un ambiente humanístico que tenía carácter muy peculiar. Los compañeros de Liceo eran para Pushkin sus mejores amigos toda la vida.

Después del Liceo Pushkin entró a trabajar en el Ministerio de Asuntos Exteriores. Tanto sus poemas como su conducta en aquellos años reflejaban ideas de libertad civil y radicalismo político, por lo que lo exiliaron varias veces de la capital, de San Petersburgo. Tenía una relación complicada con el Emperador Nicolás I. Muchas de sus obras fueron censuradas.

El 18 de febrero de 1831 Aleksandr Pushkin se casó con Natalia Goncharova, la mujer más bella de la época según la Corte del Emperador. La

pareja tenía 4 hijos y no era adinerada, se veía obligada a pedir préstamos para subvenir a necesidades.

Aleksandr Serguéyevich Pushkin se murió el 29 de enero de 1836 de una herida del abdomen recibida en el duelo con el militar francés Georges d'Anthès, que, según los rumores de la Corte, estaba enamorado de la mujer del poeta. El papel que desempeñó Natalia Pushkina en los acontecimientos trágicos y su comportamiento se siguen debatiendo.

Las obras más conocidas de Aleksandr Pushkin son: la novela en verso «Eugenio Oneguín», poemas – «Ruslán y Liudmila», «El prisionero del Cáucaso», «Poltava», «El Jinete de Bronce», obras dramáticas – «Boris Godunov», «El avaro caballero», «Mozart y Salieri», «El Convidado de Piedra», «Fiesta durante la plaga», en prosa – «Cuentos del difunto Iván Petróvich Belkin», «La Dama de Picas», «Dubrovski», «La hija del capitán», cuentos y poesía.

«На холмах Грузии...»

(стихотворение)

(1829)

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

“En las colinas de Georgia...”

(verso)

(trad. de José Vento Molina)

En las colinas de Georgia se posa la niebla
Corre el río ante mí
y estoy triste y sereno. Es luminosa mi
tristeza,
que está llena de ti, sólo de ti...
Y nada clama mi atormenta
ni inquieta mi dolor.
El corazón arde de nuevo y ama
que no puede vivir él sin amor.

Я вас любил: любовь ещё, быть может,

В душе моей угасла не совсем;

Но пусть она вас больше не тревожит;

Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,

То робостью, то ревностью томим;

Я вас любил так искренно, так нежно,

Как дай вам Бог любимой быть другим.

Yo la amé,

y ese amor tal vez,

está en mi alma todavía, quema mi pecho.

Pero confundirla más, no quiero.

Que no le traiga pena este amor mío.

Yo la amé. Sin esperanza, con locura.

Sin voz, por los celos consumido;

la amé, sin engaño, con ternura,

tanto, que ojalá lo quiera Dios,

y que otro, amor le tenga como el mío.

(trad. de Rubén Flórez Arcila)

***Si Ud. todavía no puede leer el texto siguiente en ruso (sin adaptación), aproveche la oportunidad para leer su **versión española** en este mismo Libro de Textos (*puede encontrar una versión española después del texto original*).

Капитанская дочка (*отрывок из повести*)

В произведении рассказывается о молодом дворянине Петре Андреевиче Гринёве, который по пути к месту службы встречается с Емельяном Пугачёвым, будущим предводителем крестьянского восстания во времена правления Екатерины Великой. Эта встреча окажется судьбоносной для Гринёва, когда он придет в крепость на службу, встретит врагов и друзей, влюбится в дочь коменданта крепости Машу.

В представленном отрывке Петр Гринев (Петруша) вспоминает свое детство и день, когда его отец решил отправить его на службу.

<...> Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменялась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на

него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи. Матушка, зная наизусть все его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подальше, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал уж из своих рук. И так, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы...» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошел семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Гарасимовна, и когда еще...

«Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни».

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу. Напротив того, трудно описать мое восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни изменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмурясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши?

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семеновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон. Записан в гвардии! Где его паспорт? подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочел его со вниманием, положил перед собою на стол и начал свое письмо.

Любопытство меня мучило: куда ж отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастьем. Но спорить было нечего. На другой день поутру

подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; уложили в нее чемодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

La hija del capitán *(un fragmento de la novela)*

(trad. de Ricardo San Vicente)

En la novela se trata de un noble joven, Piotr Andréevich Grinyov, que, en el camino a su lugar de destino encontró a Yemelián Pugachov, el cosaco que durante el reinado de Catalina la Grande dirigiría una rebelión de campesinos.

Este encuentro tiene consecuencias muy importantes para la vida de Piotr Grinyov, sobre todo cuando, haciendo el servicio militar en una fortaleza, Piotr conoce a los amigos y enemigos y encuentra a su amor, Masha, la hija del Capitán, el comandante de la fortaleza.

En el fragmento siguiente Piotr Grivyov (Petrusha) recuerda su infancia y el día, cuando su padre decidió mandarle a servir en el ejército.

Yo hacia vida de niño, persiguiendo las palomas y jugando al paso con los hijos de nuestros criados. Entre tanto cumplí dieciséis años, y entonces cambió mi destino.

Un día de otoño mi madre estaba haciendo dulce de miel en el comedor y yo, relamiéndome, miraba la espuma que se levantaba. Mi padre, junto a la ventana, leía el «Almanaque de la Corte», que recibía todos los años. Este libro ejercía sobre él una gran influencia; nunca lo leía sin un interés especial y su lectura le producía un fuerte acceso de bilis. Mi madre, que conocía de memoria sus manías y costumbres, siempre trataba de meter el desdichado libro lo más lejos

posible y, gracias a ello, a veces el «Almanaque de la Corte. no caía en sus manos durante meses enteros. Pero, cuando, por casualidad, lo encontraba, ya no lo soltaba durante horas y horas.

Como decía, mi padre estaba leyendo el «Almanaque de la Corte» encogiéndose de hombros de vez en cuando y repitiendo a media voz: «¡Teniente general! ¡Era sargento en mi compañía!... ¡Caballero de ambas órdenes rusas!... Parece que fue ayer cuando nosotros dos ... » Por fin mi padre tiró el «Almanaque» al sofá y se quedó absorto en un pensamiento profundo que no presagiaba nada bueno.

De pronto se dirigió a mi madre:

-Avdotia Vasílevna, ¿cuántos años tiene Petrusha?

-Ya ha cumplido dieciséis - contestó mi madre - Petrusha nació el mismo año en que la tía Nastasia Guerásimovna se quedó tuerta y, además...

-Bueno -interrumpió mi padre -, ya es hora de que empiece su servicio. Ya está bien de correr por los cuartos de las criadas y de subirse a los palomares.

La idea de una próxima separación sorprendió tanto a mi madre, que dejó caer la cuchara en la cacerola y le corrieron lágrimas por la cara. En cambio, sería difícil describir mi entusiasmo. La idea de servicio iba unida para mí a la idea de la libertad y de los placeres de la vida de Petersburgo. Ya me veía oficial de la guardia, lo cual me parecía el máximo de la felicidad humana.

A mi padre no le gustaba cambiar de intención ni aplazar su cumplimiento. Quedó decidido el día de mi partida. La víspera, mi padre anunció que pensaba darme una carta para mi futuro jefe y pidió papel y pluma.

- No te olvides, Andréi Petróvich -dijo mi madre de saludar de mi parte al príncipe B., y dile que no deje a Petrusha sin protección.

- ¡Qué tontería! -contestó mi padre frunciendo el entrecejo-. ¿Por qué crees que voy a escribir al príncipe B?

- ¿No habías dicho que ibas a escribir al jefe de Petrusha?

- ¿Y eso que viene que ver?

- Que el jefe de Petrusha es el príncipe B: Petrusha está inscrito en el regimiento Semionovski.

- Está inscrito! ¿Y qué me importa que esté inscrito? Petrusha no irá a Petersburgo. ¿Qué puede aprender sirviendo en Petersburgo? A gastar dinero y a divertirse. No, que sirva en el ejército, que sepa lo que es el trabajo, que huela a pólvora y sea un soldado y no un tunante. ¡inscrito en la guardia! ¿Dónde está su pasaporte? Tráemelo.

Mi madre buscó mi pasaporte, que tenía guardado en una caja junto a la camisa con que me había bautizado, y se lo dio a mi padre con mano temblorosa. Mi padre lo leyó detenidamente, lo puso en la mesa y empezó la carta.

La curiosidad me devoraba. ¿Adónde me mandaría, si no era a Petersburgo? No quitaba el ojo de la pluma de mi padre, que se movía, para mi desesperación, con bastante lentitud. Por fin la terminó, metió la carta en un sobre con el pasaporte, cerró éste, quitóse los anteojos, me llamó y me dijo:

- Aquí tienes una carta para Andréi Kárlovich, mi viejo amigo y camarada. Vas a Oremburgo a servir a sus órdenes.

¡Todas mis brillantes esperanzas se derrumbaban? En lugar de la alegre vida de Petersburgo, me esperaba el aburrimiento en una región remota y oscura. El servicio, que hacía un minuto había despertado mi entusiasmo, ahora me parecía una verdadera desgracia. ¡Pero no había nada que hacer! A la mañana siguiente trajeron a la puerta de casa una kibitka⁴ de viaje y colocaron en ella una maleta, un pequeño baúl, en el que se introdujo todo lo que hacía falta para el té, y varios bultos con bollos y empanadillas, últimas muestras de los mimos caseros. Mis padres me bendijeron. Mi padre me dijo:

- Adiós, Piotr. Sé fiel al que hayas jurado fidelidad; obedece a tus superiores; no persigas sus favores; no busques trabajo, pero no lo rehúyas tampoco, y recuerda el proverbio: «Cuida la ropa cuando está nueva y el honor

desde joven». Mi madre, entre lágrimas, me pedía que cuidara mi salud y ordenaba a Savélich que vigilara al niño. Me pusieron un tulup de conejo y encima un abrigo de piel de zorro. Emprendimos el camino, yo sentado en la kíbítka junto a Savélich y llorando amargamente.

Ответьте на вопросы:

- 1) Где учился Александр Сергеевич Пушкин? Как учеба повлияла на его мировоззрение?
- 2) Как звали няню поэта?
- 3) Где находится герой стихотворения «На холмах Грузии...»?
- 4) Что такое Арагва?
- 5) Что чувствует герой стихотворения «На холмах Грузии...»? Почему?
- 6) Какими словами описывает герой свою любовь в стихотворении «Я вас любил...»?
- 7) Как Пушкин описывает быт в отрывке из «Капитанской дочки»?
- 8) Куда отец отправляет Петрушу?
- 9) Почему Петруша не едет в Петербург?
- 10) Какое наставление отец дает Петруше перед его отъездом?

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОГО РОМАНТИЗМА

(1814-1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов — русский поэт, прозаик, драматург. Лермонтов родился 2 октября 1814 года в Москве. Его мать рано скончалась, и его воспитанием занималась бабушка, женщина с властным и твердым характером, которая, однако, безмерно любила своего внука.

Учился в Московском университете, где увлекся писателями и поэтами немецкого и английского романтизма. В 1834 году начал служить в Гусарском полку в Царском селе. Михаил Лермонтов становится известен вместе с выходом стихотворения «Смерть поэта» (1837), посвященного смерти Александра Пушкина. За это произведение Лермонтов был арестован и отправлен в ссылку на Кавказ.

В 1841 году, возвращаясь из второй ссылки, Лермонтов встретил старого товарища Мартынова. Они поссорились, и на дуэли 15 июля 1841 года Михаил Юрьевич Лермонтов был смертельно ранен.

Одной из главных тем в его лирике стала тема одиночества. Вражда между его бабушкой и отцом, ранняя смерть матери и несчастная любовь к Варваре Лопухиной, которую родители выдали замуж за другого, сильно повлияли на мировоззрение поэта.

Самые известные произведения: *«Герой нашего времени»* (роман), *«Демон»*, *«Кавказский пленник»*, *«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»* (поэмы), *«Маскарад»* (драма) и стихотворения, такие как *«Смерть поэта»*, *«Бородино»* и *«Парус»*.

MIJAÍL LÉRMONTOV – EL REPRESENTANTE MÁS DISTINGUIDO DEL ROMANTICISMO RUSO

Mijaíl Yúrievich Lérmontov – escritor, poeta y dramaturgo ruso. Mijaíl Lermontov nació el 2 de octubre de 1814 en Moscú. Su madre falleció muy temprano, y a su educación se dedicaba su abuela que tenía carácter duro y autoritario, pero adoraba a su nieto.

El poeta estudió en la Universidad de Moscú. Durante los estudios leía mucho las obras de escritores y poetas románticos alemanes e ingleses que influyeron considerablemente en su búsqueda espiritual y su poesía.

En 1834 empezó a servir en El Regimiento de Húsares en Tsárskoye Seló. Lermontov se hizo famoso con la publicación del verso “La muerte del poeta” (1837), dedicado a la muerte de Aleksandr Pushkin. Por esta obra Mijaíl Lermontov fue detenido y exiliado al Cáucaso.

En 1841, regresando del segundo exilio, se encontró con su antiguo compañero Martynov. El 15 de julio de 1841 se riñeron y Lermontov resultó mortalmente herido en el duelo.

Uno de los temas más principales de las obras de Mijaíl Lermontov es el tema de soledad. Su visión del mundo fue afectado por tensiones u hostilidad entre su abuela y su padre, por la muerte temprana de su madre y por un amor desesperado a Varvara Lopujiná, casada con el otro por la voluntad de sus padres.

Las obras más conocidas de Mijaíl Lermontov son: «*Un héroe de nuestro tiempo*» (novela), «*El demonio*», «*El prisionero del Cáucaso*», «*El canto del zar Iván Vasílievich, del joven opríchnik y del gallardo mercader Kaláshnikov*» (poemas), «*El baile de máscaras*» (drama) y versos como «*La muerte del poeta*», «*Borodinó*», «*La vela*», etc.

Парус

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом. —
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит;
Увы! — он счастья не ищет
И не от счастья бежит! —

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой: —
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!
(1832)

La vela

Una vela solitaria blanquea
en las brumas azules del mar.
¿Qué va buscando en el país lejano?
¿Qué dejó atrás, en la tierra natal?

Bailan las olas y el viento ruge,
al mástil, curvo, se le oye rechinar...
¡Ya veis, no busca más la dicha:
ni piensa de la dicha escapar!

Abajo, la corriente azul se aclara:
arriba, el oro ya empieza a brillar...
Mas ella pide, rebelde, una tormenta,
¡como si ésta la pudiera apaciguar!
(trad. de Oleg Shatrov)

***Si Ud. todavía no puede leer el texto siguiente en ruso (sin adaptación), aproveche la oportunidad para leer su **versión española** en este mismo Libro de Textos (*puede encontrar una versión española después del texto original*).

Герой нашего времени *(отрывок из романа)*

В этом произведении речь идет о нескольких трагических историях, связанных с молодым дворянином, Григорием Александровичем Печориным. Печорин - личность неординарная, воплощение героев Байрона; его внутренняя противоречивость выражается как во внешности, так и в его поведении и поступках. Интересно отметить, что хронологический порядок событий в романе нарушен, а повествование ведется от нескольких лиц.

В этом фрагменте рассказчик узнает о смерти Печорина и рассуждает о его жизни и характере.

Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить имя над чужим произведением. Дай Бог, чтоб читатели меня не наказали за такой невинный подлог!

Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал. Добро бы я был еще его другом: коварная нескромность истинного друга понятна каждому; но я видел его только раз в моей жизни на большой дороге, следовательно, не могу питать к нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь под личиною дружбы, ожидает только смерти или несчастья любимого предмета, чтоб разразиться над его головою градом упреков, советов, насмешек и сожалений.

Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки. История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо имеет уже недостаток, что он читал ее своим друзьям.

Итак, одно желание пользы заставило меня напечатать отрывки из журнала, доставшегося мне случайно. Хотя я переменял все собственные

имена, но те, о которых в нем говорится, вероятно себя узнают, и, может быть, они найдут оправдания поступкам, в которых до сей поры обвиняли человека, уже не имеющего отныне ничего общего с здешним миром: мы почти всегда извиняем то, что понимаем.

Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам.

Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? – Мой ответ – заглавие этой книги. «Да это злая ирония!» – скажут они. – Не знаю.

Un héroe de nuestro tiempo (*un fragmento de la novela*)

(trad. de Luis Abollado Vargas)

Esta novela abarca unas historias trágicas que están relacionadas con un noble joven, Grigori Aleksándrovich Pechorin. Pechorin es una persona extraordinaria, un tipo del héroe de las obras del poeta romántico inglés Lord Byron, lo que se nota tanto en su apariencia, como en su comportamiento y en sus acciones. Cabe destacar, que la cronología de la novela no es directa y hay varios narradores.

En este fragmento el narrador recibe la noticia de la muerte de Pechorin y reflexiona sobre su vida y su carácter.

Hace poco me enteré de que Pechorin había muerto a su regreso de Persia. La noticia me complació en extremo; me permitía publicar estos apuntes, y no desperdicé la ocasión de poner mi nombre al pie de una obra ajena. ¡Quiera Dios que los lectores no me hagan expiar tan cándida falsificación!

Ahora debo explicar someramente las causas que me han inducido a airear la vida íntima de una persona a la que jamás conocí. Sería explicable si yo fuese su amigo: la pérfida indiscreción de un verdadero amigo se le alcanza a cualquiera; pero yo le había visto una sola vez en mi vida, en una carretera, y no podía, por

tanto, profesarle ese odio inexplicable que, oculto tras la máscara de la amistad, espera tan solo la muerte o la desgracia del ser querido para descargar sobre su cabeza un aluvión de reproches, consejos, burlas y condolencias.

Releyendo los apuntes, me he persuadido de la sinceridad del que, de modo tan despiadado, puso al descubierto sus propias flaquezas y lacras. La historia de un alma humana, aunque se trate de la más mezquina, resulta, tal vez, más curiosa y útil que la historia de un pueblo entero, máxime si es el fruto de una mente madura que se observa a sí misma y si se ha escrito sin el vanidoso deseo de despertar compasión o asombro. La confesión de Rousseau tiene ya el defecto de que la leyó a sus amigos.

Así pues, al publicar fragmentos del diario que el azar puso en mis manos, no me ha guiado otro móvil que el de la utilidad. Aunque he sustituido todos los nombres propios, es de suponer que los afectados se reconocerán a sí mismos, y acaso justifiquen actos que, hasta la fecha, incriminaban a una persona desvinculada ya del mundo terrenal: casi siempre disculpamos lo que comprendemos.

Figura en este libro únicamente lo que concierne a la estancia de Pechorin en el Cáucaso; conservo, además, un voluminoso cuaderno donde relata su vida entera. Alguna vez comparecerá también ante el juicio del mundo; mas, por ahora, muchas razones de importancia me hacen rehuir esa responsabilidad.

Tal vez haya lectores que quieran conocer mi opinión sobre el carácter de Pechorin. Mi respuesta es el título del libro. «¡Ironía malévola!», dirán ellos. No lo sé.

Ответьте на вопросы:

- 1) Когда и почему Лермонтов стал известен как поэт?
- 2) Кто является героем стихотворения «Парус»?
- 3) Какого цвета парус?
- 4) Чего хочет парус?

- 5) Кто такой Печорин?
- 6) Как рассказчик описывает характер Печорина?
- 7) Были ли Печорин и рассказчик друзьями?
- 8) Как Вы думаете, почему рассказчик называет Печорина «героем нашего времени»?

Герой нашего времени. «Бэла» *(отрывок из романа)*

В этом отрывке из первой части романа «Герой нашего времени», которая называется «Бэла», брат Бэлы, дочери черкесского князя, Азамат, хочет купить у Казбича его коня, которого тот очень ценит. Азамат предлагает даже украсть для Казбича свою красавицу-сестру, но Казбич отказывается, поскольку конь для него дороже.

— Славная у тебя лошадь! — говорил Азамат, — если бы я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!

«А! Казбич!» — подумал я и вспомнил кольчугу.

— Да, — отвечал Казбич после некоторого молчания, — в целой Кабарде не найдешь такой. Раз, — это было за Терекон, — я ездил с абреками отбивать русские табуны; нам не посчастливилось, и мы рассыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; уж я слышал за собою крики гяуров, и передо мною был густой лес. Прилег я на седло, поручил себе аллаху и в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети. Как птица нырнул он между ветвями; острые колючки рвали мою одежду, сухие сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгал через пни, разрывал кусты грудью. Лучше было бы мне его бросить у опушки и скрыться в лесу пешком, да жаль было с ним расстаться, — и пророк вознаградил меня. Несколько пуль провизжало над моей головою; я уж слышал, как спешившиеся казаки бежали по следам... Вдруг передо мною рытвина глубокая; скакун мой призадумался — и прыгнул. Задние его копыта оборвались с противного берега, и он повис на передних ногах; я бросил

поводья и полетел в овраг; это спасло моего коня: он выскочил. Казаки все это видели, только ни один не спустился меня искать: они, верно, думали, что я убится до смерти, и я слышал, как они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; пополз я по густой траве вдоль по оврагу, — смотрю: лес кончился, несколько казаков выезжают из него на поляну, и вот выскакивает прямо к ним мой Карагез; все кинулись за ним с криком; долго, долго они за ним гонялись, особенно один раза два чуть-чуть не накинул ему на шею аркана; я задрожал, опустил глаза и начал молиться. Через несколько мгновений поднимаю их — и вижу: мой Карагез летит, развевая хвост, вольный как ветер, а гяуры далеко один за другим тянутся по степи на измученных конях. Валлах! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидел в своем овраге. Вдруг, что ж ты думаешь, Азамат? во мраке слышу, бегают по берегу оврага конь, фыркает, ржет и бьет копытами о землю; я узнал голос моего Карагеца; это был он, мой товарищ!.. С тех пор мы не разлучались.

И слышно было, как он трепал рукою по гладкой шее своего скакуна, давая ему разные нежные названия.

— Если б у меня был табун в тысячу кобыл, — сказал Азамат, — то отдал бы тебе весь за твоего Карагеца.

— Йок, не хочу, — отвечал равнодушно Казбич.

— Послушай, Казбич, — говорил, ласкаясь к нему, Азамат, — ты добрый человек, ты храбрый джигит, а мой отец боится русских и не пускает меня в горы; отдай мне свою лошадь, и я сделаю все, что ты хочешь, украду для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку, что только пожелаешь, — а шашка его настоящая гурда: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьется; а кольчуга — такая, как твоя, нипочем.

Казбич молчал.

— В первый раз, как я увидел твоего коня, — продолжал Азамат, когда он под тобой крутился и прыгал, раздувая ноздри, и кремни брызгами летели из-под копыт его, в моей душе сделалось что-то непонятное, и с тех пор все мне опостылело: на лучших скакунов моего отца смотрел я с презрением, стыдно было мне на них показаться, и тоска овладела мной; и, тоскуя, просиживал я на утесе целые дни, и ежеминутно мыслям моим являлся вороной скакун твой с своей стройной поступью, с своим гладким, прямым, как стрела, хребтом; он смотрел мне в глаза своими бойкими глазами, как будто хотел слово вымолвить. Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его! — сказал Азамат дрожащим голосом.

Мне послышалось, что он заплакал: а надо вам сказать, что Азамат был преупрямый мальчишка, и ничем, бывало, у него слез не выбьешь, даже когда он был помоложе.

В ответ на его слезы послышалось что-то вроде смеха.

— Послушай! — сказал твердым голосом Азамат, — видишь, я на все решаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Как она пляшет! как поет! а вышивает золотом — чудо! Не бывало такой жены и у турецкого падишаха... Хочешь, дождись меня завтра ночью там в ущелье, где бежит поток: я пойду с нею мимо в соседний аул, — и она твоя. Неужели не стоит Бэла твоего скакуна?

Долго, долго молчал Казбич; наконец вместо ответа он затянул старинную песню вполголоса:

Много красавиц в аулах у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз.
Сладко любить их, завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:

Он и от вихря в степи не отстанет,

Он не изменит, он не обманет.

Напрасно упрасивал его Азамат согласиться, и плакал, и льстил ему, и клялся; наконец Казбич нетерпеливо прервал его:

— Поди прочь, безумный мальчишка! Где тебе ездить на моем коне? На первых трех шагах он тебя сбросит, и ты разобьешь себе затылок об камни.

— Меня? — крикнул Азамат в бешенстве, и железо детского кинжала зазвенело об кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь, и он ударился об плетень так, что плетень зашатался. «Будет потеха!» — подумал я, кинулся в конюшню, взнуздal лошадей наших и вывел их на задний двор. Через две минуты уж в сакле был ужасный гвалт. Вот что случилось: Азамат вбежал туда в разорванном бешмете, говоря, что Казбич хотел его зарезать. Все выскочили, схватились за ружья — и пошла потеха! Крик, шум, выстрелы; только Казбич уж был верхом и вертелся среди толпы по улице, как бес, отмахиваясь шашкой.

Un héroe de nuestro tiempo. «Bela» (*un fragmento de la novela*)

(trad. de Luis Abollado Vargas)

En este fragmento de la primera parte de la novela «Un héroe de nuestro tiempo», que se llama «Bela», el hermano de Bela que es una hija de un Príncipe Circasiano, quiere comprar el querido corcel de Kázbich. Le propone hasta robar para él su hermana que es tan hermosa y que le gusta tanto a Kázbich. Pero Kázbich es un verdadero montañés, rechaza la propuesta de Azamat, porque el caballo tiene más valor para él.

—¡Buen caballo tienes! —decía Azamat—. Si yo fuera el dueño de la casa y tuviera una yeguada de trescientas cabezas, te daría la mitad por tu trotador, Kázbich.

«¡Ah, Kázbich!», pensé, y me vino a la memoria la cota de malla.

—Sí —repuso Kázbich, después de breve silencio—, en toda Kabardá no encontrarás uno que le iguale. Una vez —eso ocurrió al otro lado del Terek— salí

con los abréks para arrebatarnos sus yeguas a los rusos; pero no tuvimos suerte y nos dispersamos cada cual por donde pudo. Cuatro cosacos me daban caza; a mis espaldas se oían ya los gritos de los guiaures y por delante se extendía un bosque tupido. Me pegué al cuello de la montura, me encomendé a Alá y, por primera vez en la vida, ofendí al caballo con un latigazo. Se metió entre el ramaje con la rapidez de un pájaro, agudas espinas me desgarraban las ropas; las ramillas secas de los olmos sacudían mi rostro: el caballo saltaba por los tocones, se abría paso con el pecho por entre los zarzales. Más me hubiera valido abandonarlo en la linde e internarme a pie en el bosque, pero me daba pena separarme de él, y el profeta me recompensó. Varias balas me pasaron silbando por encima de la cabeza; oía ya cómo los cosacos, pie a tierra, seguían mis huellas... De repente se abrió ante mí un profundo barranco. Mi caballo se detuvo un momento y saltó. Sus cascos traseros resbalaron en la orilla opuesta, y quedó suspendido de las patas delanteras. Yo solté las riendas y me lancé al fondo; esto salvó al animal, que consiguió salir. Los cosacos lo vieron todo, pero ninguno de ellos pensó en ir a buscarme; seguramente creyeron que me había matado, y les oí precipitarse a capturar el caballo. Mi corazón sangraba; me arrastré por la espesa hierba, a lo largo del barranco. El bosque había terminado, y vi a varios cosacos que salían a la pradera, y a mi Karaguioz que galopaba directamente a su encuentro; todos se lanzaron gritando hacia él; lo estuvieron persiguiendo mucho, mucho tiempo, sobre todo uno, que faltó poco para que lo apresara dos veces con el lazo; me eché a temblar, bajé los ojos y comencé a rezar. Unos instantes más tarde alcé la mirada y vi que mi Karaguioz volaba libre como el viento, agitando la cola en el aire, mientras los guiaures, allá a lo lejos, iban uno tras otro por la estepa sobre sus cansados caballos. ¡Valaj que es cierto! Hasta muy avanzada la noche permanecí en el barranco. ¿Y qué crees, Azamat? Oigo cómo en la oscuridad, bordeando la vaguada, corre un caballo, relincha, resopla y traquetea con las pezuñas en la tierra. Reconocí la voz de mi Karaguioz; ¡era él, mi compañero!... Desde entonces no nos separamos.

Y le sentí palmotear el lustroso cuello de su caballo, prodigándole toda suerte de nombres cariñosos. —Si tuviera mil yeguas —dijo Azamat—, todas te las daría por tu Karaguioz. —¡Ok, no quiero —respondió en tono despectivo Kázbich.

—Escúchame, Kázbich —insistía el muchacho, halagándole—: Tú eres bueno, un dzhiguit valiente; en cambio, mi padre tiene miedo a los rusos y no me permite ir a la montaña; dame tu caballo, y haré lo que se te antoje, robaré para ti el mejor fusil, el mejor sable de mi padre, lo que desees; su sable es un auténtico gurdá; si te pones la hoja en la mano, se hunde sola en la carne; incluso una cota de malla como la tuya no sirve para nada.

Kázbich callaba.

—La primera vez que vi tu caballo caracolear y saltar contigo encima, con las aletas de la nariz palpitantes y las pezuñas despidiendo chispas — prosiguió Azamat—, algo incomprensible pasó en mi alma, y desde entonces todo empezó a cansarme: despreciaba los mejores potros de mi padre; me abochornaba ir montado en ellos, y la tristeza se apoderó de mí; lleno de angustia, me pasé días enteros sentado en una roca, recordando a cada instante tu trotador negro, con su andar gallardo, con su lomo liso y recto como una flecha; me miraba a los ojos con tanta viveza en las pupilas, como si quisiera decirme algo. ¡Moriré, Kázbich, si no me lo vendes! —suspiró Azamat con voz temblorosa.

Me pareció oír que lloraba; y debo decirle que Azamat era un chiquillo de lo más terco, a quien nada hacía llorar, ni siquiera siendo más joven que entonces.

En respuesta a sus lágrimas se oyó algo parecido a la risa.

—¡Oye! —dijo el mozo con voz firme—. Mira, estoy resuelto a todo. ¿Quieres que rapte para ti a mi hermana? ¡Cómo baila! ¡Cómo canta! ¡Y bordando en oro, hace maravillas! Ni el sultán de Turquía ha tenido una mujer así... ¿Quieres? Espérame mañana por la noche en el desfiladero, donde corre el torrente: pasaré con ella por allí, hacia el aúl vecino, y será tuya. ¿Acaso no vale ella lo que tu caballo?

Kázbich permaneció callado mucho, mucho tiempo. Por fin, en lugar de responder, entonó a media voz una antigua canción:

Bellas mujeres encierra el aúl;
Brillan sus ojos como astros de luz.
Dulce es amarlas; botín codiciable.
Pero ser libres es más envidiable.
Cuatro mujeres se pueden comprar,
Un buen corcel no podrás valorar.
Cruza la estepa igual que un ciclón;
Es enemigo de engaño y traición.

En vano le suplicaba Azamat que accediera; lloros, adulaciones, juramentos por último, Kázbich le interrumpió con impaciencia:

—¡Vete, chiquillo insensato! ¡Cómo vas a ser tú capaz de montar mi caballo! A los tres pasos te tiraría y te rompería la nuca contra las piedras.

—¡A mí! —gritó Azamat furioso, y el acero de su diminuto puñal chirrió contra la cota de malla. Una mano vigorosa le empujó, arrojándole contra la cerca con tanta fuerza, que la hizo estremecerse.

«¡Aquí va a haber jaleo!», pensé yo, y me lancé a la cuadra, puse el bocado a nuestros caballos y los saqué al patio posterior. Dos minutos más tarde se armó en la saklia un alboroto terrible. Verá usted lo que había ocurrido: Azamat entró a todo correr con el beshmet desgarrado, diciendo que Kázbich había querido asesinarle. Todos saltaron, empuñaron los fusiles y, ¡allí fue Troya! Gritos, tumulto, disparos; pero Kázbich estaba ya a caballo en la calle, y se revolvió como un diablo en medio del gentío, defendiéndose a sablazos.

Ответьте на вопросы:

- 1) Что вы можете сказать о характере Азамата?
- 2) Что вы можете сказать о характере Казбич?
- 3) Как описывает Азамат свою сестру? Почему?
- 4) Почему Азамат хочет купить коня?
- 5) Почему Казбич не хочет продавать коня?
- 6) Как вы думаете, почему для горцев конь был дороже красивой девушки?

АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ – ДИПЛОМАТ, ПОЭТ, ДРАМАТУРГ

(1795-1829)

Александр Сергеевич Грибоедов – русский дипломат, поэт, драматург. А.С. Грибоедов родился 4 января 1795 года в Москве, в обеспеченной дворянской семье. Получил блестящее образование, изучал словесность, право, математику, владел английским, французским, немецким, итальянским, персидским, арабским, турецким языками, а также латынью и древнегреческим. Кроме того, Александр Грибоедов был великолепным пианистом и сочинял пьесы.

В юности Грибоедов участвовал во многих дуэлях, и на одной из них был ранен в кисть левой руки. Поступив на военную службу, он вскоре ее оставил, выбрав дипломатическую карьеру.

С 1818 по 1829 с некоторыми перерывами он состоял при русском посольстве в Тегеране, и впоследствии был назначен министром-резидентом (послом) в Иран.

По пути в Тегеран Грибоедов часто останавливался в Тифлисе, где у него установились дружеские отношения с блестящими поэтами и интеллектуалами Грузии. Там 22 августа 1828 года Грибоедов женился на княжне Нине Чавчавадзе, дочери Александра Чавчавадзе.

30 января 1829 года русское посольство в Тегеране атаковала разъяренная толпа, линчевав всех членов дипломатической миссии. Тело Александра Сергеевича Грибоедова удалось опознать с трудом.

После смерти мужа Нина Чавчавадзе осталась верна ему до конца своих дней. На могиле Александра Грибоедова она поставила памятник с надписью: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!».

Чтобы уладить дипломатический скандал, персидский шах послал царю знаменитый алмаз «Шах» в 88,70 карат. Сейчас этот алмаз хранится в коллекции Алмазного фонда Московского Кремля.

А.С. Грибоедов широко известен благодаря блестящей пьесе в стихах «Горе от ума» (1824), которую и сегодня часто ставят в театрах России. Она послужила источником многочисленных крылатых фраз.

В этой пьесе речь идет о молодом дворянине, Александре Андреевиче Чацком, который, совершив путешествие в Европу и проникнувшись либеральными идеями, возвращается в Москву, в дом Фамусова, отца его подруги детства Софьи, в которую Чацкий влюблен. Пьеса представляет собой сатиру на московское высшее общество того времени.

ALEKSANDR GRIBOYÉDOV – DIPLOMATA, POETA Y DRAMATURGO

Aleksandr Serguéievich Griboyédov es un dramaturgo, diplomático y poeta ruso. Nació el 4 de enero de 1795 en Moscú en una familia noble. Fue uno de los hombres más cultos de su tiempo: cursó estudios en las Facultades de Letras, Derecho y Matemáticas, dominaba inglés, francés, alemán, italiano, persa, árabe, turco, latín y griego, además era un excelente pianista y compuso varias piezas musicales.

De joven se batió en varios duelos, en uno de los cuales fue herido en la mano izquierda. Siguió la carrera militar, pero la abandonó por la diplomática.

De 1818 a 1829, con ciertos intervalos, estuvo destinado en la Embajada rusa en Teherán, llegando a ocupar el cargo de ministro plenipotenciario.

En sus frecuentes viajes de Moscú a Teherán, solía detenerse en Tiflis, donde estableció estrechos contactos con los poetas e intelectuales de Georgia como Aleksandr Chavchavadze, con cuya hija Nina contrajo matrimonio.

El día 30 de enero de 1829 la Embajada rusa en Teherán fue atacada por turbas furiosas y todos los miembros de la misión diplomática rusa fueron linchados. El cuerpo de Griboyédov lo pudieron identificar por su mano izquierda.

Tras la muerte de su marido, Nina le seguía siendo fiel por el resto de su vida. Ordenó esculpir las palabras siguientes en su lápida: “Tu inteligencia y tus obras son inmortales en la memoria del pueblo ruso, pero ¿por qué mi amor ha tenido que sobrevivirte?”

Para suavizar un incidente diplomático, el Sha de Persia le envió al Zar de Rusia un fabuloso diamante de 88,70 quilates, llamado "El Sha", que se encuentra ahora en el Fondo de Diamantes del Kremlin de Moscú.

A.S. Griboyédov es famoso por su obra de teatro “El Mal de la Razón” (o “La desgracia de ser inteligente”, según otra versión de traducción) (1824) que hasta hoy en día está montada en los teatros rusos. De esta provienen muchos aforismos y frases clásicas.

En esta obra se trata de un noble joven Aleksandr Andréévich Chatski que después de viajar por Europa y aprender ideas liberales vuelve a Moscú y visita la casa de Fámusov. Fámusov es el apellido del padre de su amiga de infancia Sofia de la cual Chatski está enamorado. La obra es una sátira de la alta sociedad moscovita de aquella época.

Горе от ума

(отрывок из пьесы)

В этом фрагменте Чацкий спорит с Фамусовым о том, как следует вести себя в высшем обществе.

<...>

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал, сто человек к услугам;
Весь в орденах; ежал-то вечно цугом; *
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся - тупеем * не кивнут.
Вельможа в случае * - тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не
пришиб;
Старик заохал, голос хрипкой;
Был высочайше пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь - уж нарочно,
А хохот пуше, он и в третий так же точно.
А? как по вашему? по нашему - смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист * кто чаще
приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал

El mal de la razón

(un fragmento de la obra de teatro)
(trad. de Oleg Y. Shatrov)

En este fragmento Chatski discute con Fámusov sobre cómo hay que comportarse en la sociedad alta.

<...>

Fámusov

¡Ya ves, sois todos demasiado arrogantes!
No os importa o no queréis aprender
de cómo actuaban los de antes,
de mí, o por ejemplo, del difunto tío
Maxím Petróvich: comía en vajilla de oro y
plata,
de servidumbre poseía un gentío;
medallas mil y siempre en tiros de reata;
pasó un siglo en la corte, ¡tan feliz!
Y no era ninguna bagatela,
sino la corte de la Gran Emperatriz.
Entonces todos pretendían ser muy grandes:
por mucho que te inclines, no mueven el tupé.
Es más, los favoritos importantes
se esmeraban en comer y en beber.
¡Y el tío! Igual que un duque o un conde,
muy serio, los ojos nunca esconde.
Pero si era necesario un gesto halagador,
no le costaba nada agacharse:
en una ceremonia palaciega tropezó
y se cayó, podía desnucarse;
gimoteando en esa pose tan sumisa,
fue obsequiado por la Altísima sonrisa.
Al ver que divertía, tomó la decisión:
se puso en pie, hizo una reverencia,
se desplomó de nuevo —ya con intención—.
Creció el regocijo, él se cayó otra vez...
¿Qué te parece? Por mí es pura inteligencia.
Quien sufre al caer, se alza mejorado.
¿Con quién comparten desde entonces la
baraja?
¿A quién dirigen su palabra amable?
¡Maxím Petróvich es un hombre respetable!

почет?

Максим Петрович! Шутка!

В чины выводит кто и пенсии дает?

Максим Петрович. Да! Вы, нынешние, - нутка!

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,

Сказать вы можете вздохнувши;

Как посравнить да посмотреть

Век нынешний и век минувший:

Свежо предание, а верится с трудом,

Как тот и славился, чья чаще гнула шея;

Как не в войне, а в мире брали лбом,

Стучали об пол не жалея!

Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,

А тем, кто выше, лесть, как кружево,
плели.

Прямой был век покорности и страха,

Все под личиною усердия к царю.

Я не об дядюшке об вашем говорю;

Его не возмутим мы праха:

Но между тем кого охота заберет,

Хоть в раболепстве самом пылком,

Теперь, чтобы смешить народ,

Отважно жертвовать затылком?

А сверстничек, а старичок

Иной, глядя на тот скачок,

И разрушаясь в ветхой коже,

Чай приговаривал: "Ах! если бы мне
тоже!"

Хоть есть охотники поподличать везде,

Да нынче смех страшит и держит стыд в
узде;

Недаром жалуют их скупно государи.

Фамусов

Ах! Боже мой! он карбонари! *

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

¡Maxim Petróvich! ¡Y no es una broma!

¿Quién adjudica títulos y asigna las pensiones?

Maxim Petróvich. ¡Sí! ¡Y los de ahora no sois más que fanfarrones!

Chatski

Bien, me dirá usted, con cara apenada,

que el mundo va perdiendo el seso;

si comparamos la centuria actual con la pasada,

reciente es la leyenda, pero dura de creer:

medraba más quien más doblaba el pescuezo, y en épocas de paz, no en guerra, ganaban por su frente...

¡los que asestaban cabezazos en la tierra fuertemente!

Al que pedía algo lo dejaban por los suelos,

y a los de arriba los querían ensalzar, era un siglo de obediencia, miedo y celos, bajo la máscara de lealtad al zar.

No estoy hablando de su tío,

no pienso sus cenizas ultrajar;

¿pero a quién se le ocurre hoy en día,

en el ataque de mayor zalamería,

con valentía su cerviz sacrificar?

Mas cualquier otro de la misma edad, un viejo, al ver aquel saltito,

y a punto de salirse del decrepito pellejo,

murmuraría: «¡Quiero también! ¡Qué arte!»

Aunque haya gente ruin por todas partes,

la risa hoy asusta y el pudor suaviza el descaro;

por eso no los honran ya los soberanos.

Fámusov

¡Oh, dios! ¡Si es un carbonaro!

Chatski

Así que el mundo ha cambiado.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живет...

Фамусов

Да он властей не признает!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам...

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чацкий

Я наконец вам отдых дам...

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу;
Уж так и быть, я не поплачу.

Fámusov

¡Un hombre peligroso!

Chatski

No teme los reproches.
Y pocos quieren convertirse en fantoches...

Fámusov

¡Qué dice! ¡Y habla como escribe!

Chatski

De los benefactores de ociosos,
que llegan para estar, para arrastrarse y comer,
cambiar la silla, un pañuelo recoger...

Fámusov

¡Éste predica libertades!

Chatski

Algunos viajan, otros viven en el campo...

Fámusov

¡No reconoce autoridades!

Chatski

Hay quien sustenta, en vez de a gente,
ideales...

Fámusov

Prohibiría a señores como él que ni a leguas
se acercaran a nuestras capitales.

Chatski

Ahora le doy tregua...

Fámusov

No puedo, me agota, qué barbaridad.

Chatski

He condenado aquí su siglo, sin piedad;
le dejo a usted que quite una parte
de lo dicho,
y a nuestros tiempos lo permito achacar;
descuide, no me pongo a llorar.

Фамусов

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

Чацкий

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю.

Фамусов (*сороговоркой*)

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди.

Чацкий

Я перестал...

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чацкий

Длить споры не мое желанье.

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье!
<...>

Fámusov

No lo conozco a usted, detesto la licencia.

Chatski

He terminado.

Fámusov

Me tapo los oídos, se acaba la paciencia.

Chatski

¿Por qué? No pienso ofender...

Fámusov (*Rápido y seguido.*)

Deambulan por el mundo, indolentes,
luego regresan y propagan confusión.

Chatski

Yo ya no sigo...

Fámusov

Escucha, ten compasión.

Chatski

De alargar pendencias no soy capaz.

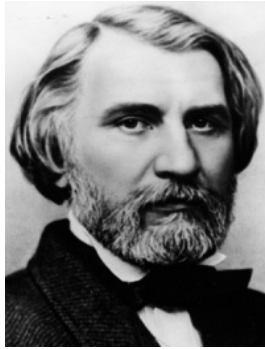
Fámusov

¡Pues por lo menos déjame en paz!
<...>

Ответьте на вопросы:

- 1) Сколько языков знал А.С. Грибоедов? Какие?
- 2) Какую должность занимал А.С. Грибоедов при русском посольстве в Тегеране?
- 3) Почему пьеса «Горе от ума» стала известной?
- 4) Как Вы думаете, сколько лет Фамусову, а сколько Чацкому?
- 5) Как Фамусов называет Чацкого в этом отрывке?

ИВАН ТУРГЕНЕВ – САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОГО РЕАЛИЗМА

(1818 – 1883)

Иван Сергеевич Тургенев, русский писатель, поэт, драматург и переводчик, родился 28 октября 1818 года в городе Орел.

Он учился в Московском университете, однако, не окончив его, перевелся на философский факультет Петербургского университета. Свое обучение Тургенев продолжил за границей, после чего много путешествовал по Европе. В 1863 году Иван Сергеевич Тургенев уезжает в Германию, где знакомится с выдающимися писателями Западной Европы и активно занимается переводами русских писателей. В 1879 году он получил звание Почетного доктора Оксфордского университета.

Всю жизнь И.С. Тургенев был влюблен в известную французскую певицу, Полину Виардо. Он познакомился с ней, когда ему было 25 лет, а она уже была замужем. Он ездил за ней в Европу и останавливался в доме Виардо.

Иван Сергеевич Тургенев умер 22 августа 1883 года в Буживале (пригород Парижа) от рака.

Самые известные произведения автора: *«Рудин»*, *«Дворянское гнездо»*, *«Накануне»*, *«Отцы и дети»*, *«Дым»* (романы), *«Записки охотника»*, *«Ася»*, *«Первая любовь»* (повести), а также стихотворения в прозе, например, *«Русский язык»*.

IVÁN TURGUÉNEV COMO EL REPRESENTANTE MÁS FAMOSO DEL REALISMO RUSO

Iván Serguéyevich Turguénev, escritor, novelista, poeta, dramaturgo y traductor, nació el 28 de octubre de 1818 en la ciudad de Oriol (Orel).

Estudió en la Universidad de Moscú, pero sin graduarse ingresó en la carrera de Filosofía de la Universidad de San Petersburgo. Después Iván Turguénev continuó sus estudios en el extranjero y viajó mucho por Europa.

En 1863 salió para Alemania, donde conoció a unos escritores distinguidos de la Europa Occidental. Durante aquellos años se dedicó a la traducción de unas obras de escritores rusos. En 1879 recibió el Título de Doctor Honoris Causa de la Universidad de Oxford.

Toda su vida Iván Turguénev estuvo enamorado de Paulina Viardot, una famosa cantante francesa. La conoció cuando tenía 25 años, pero ya era una mujer casada, La acompañaba en sus giras y se alojaba en la casa de Viardot.

Iván Serguéyevich Turguénev se murió de cáncer el 22 de agosto de 1883 en Bougival (en las afueras de París).

Sus obras más conocidas son: *«Rudin»*, *«Nido de nobles»*, *«En vísperas»*, *«Padres e hijos»*, *«Humo»* (novelas), *«Memorias de un cazador»*, *«Ásya»*, *«Primer amor»* (novelas cortas), así como versos en prosa como *«La lengua rusa»*.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Во дни сомнений, во дни тягостных
раздумий о судьбах моей родины, - ты
один мне поддержка и опора, о великий,
могучий, правдивый и свободный
русский язык! Не будь тебя - как не
впасть в отчаяние при виде всего, что

LA LENGUA RUSA

En días de incertidumbre, en días de amargas
reflexiones sobre los destinos de mi patria, tan
sólo tú eres mi aliento y apoyo, oh lengua rusa,
¡lengua magna, vigorosa, veraz y libre! De no
ser por ti, ¿cómo no caer en la desesperación, a
la vista de todo lo que acontece en mi tierra?

совершается дома? Но нельзя верить,
чтобы такой язык не был дан великому
народу!
(1882)

Mas no puedo dejar de creer que semejante
lengua no haya sido dada a un gran pueblo.
(trad. de María Sánchez Puig)

***Si Ud. todavía no puede leer este texto en ruso sin adaptación, aproveche la oportunidad para leer su **versión española** en este mismo Libro de Textos (*puede encontrar una versión española después del texto original*).

Дым (отрывок из романа)

В этом произведении рассказывается о душевных метаниях молодого дворянина, Григория Михайловича Литвинова, который, встретив свою прошлую любовь, Ирину, разорвал отношения с невестой Татьяной. Роман интересен сочетанием любовной трагедии и острой социальной сатиры на высшее общество.

В этом отрывке описан портрет и характер Литвинова, а также краткая история его жизни.

В нескольких шагах от "русского" дерева, за маленьким столом перед кофейней Вебера, сидел красивый мужчина лет под тридцать, среднего роста, сухощавый и смуглый, с мужественным и приятным лицом. Нагнувшись вперед и опираясь обеими руками на палку, он сидел спокойно и просто, как человек, которому и в голову не может прийти, чтобы кто-нибудь его заметил или занялся им. Его карие, с желтизной, большие, выразительные глаза медленно посматривали кругом, то слегка прищуриваясь от солнца, то вдруг упорно провожая какую-нибудь мимо проходившую эксцентрическую фигуру, причем быстрая, почти детская усмешка чуть-чуть трогала его тонкие усы, губы и выдающийся крутой подбородок. Одет он был в просторное пальто немецкого покроя, и серая мягкая шляпа закрывала до половины его высокий лоб. На первый взгляд он производил впечатление честного и дельного, несколько самоуверенного малого, каких довольно много бывает на белом свете. Он, казалось, отдыхал от продолжительных трудов и тем простодушнее забавлялся расстилавшеюся перед ним картиной, что мысли его были далеко, да и

вращались они, эти мысли, в мире, вовсе не похожем на то, что его окружало в этот миг. Он был русский; звали его Григорием Михайловичем Литвиновым. Нам нужно с ним познакомиться, и потому приходится рассказать в коротких словах его прошедшее, весьма незатейливое и несложное.

Сын отставного служачи-чиновника из купеческого рода, он воспитывался не в городе, как следовало ожидать, а в деревне. Мать его была дворянка, из институток, очень доброе и очень восторженное существо, не без характера однако. Будучи двадцатью годами моложе своего мужа, она его перевоспитала, насколько могла, перетащила его из чиновничьей колеи в помещичью, укротила и смягчила его дюжий, терпкий нрав. По ее милости он стал и одеваться опрятно, и держаться прилично, и браниться бросил; стал уважать ученых и ученость, хотя, конечно, ни одной книги в руки не брал, и всячески старался не уронить себя: даже ходить стал тише и говорил расслабленным голосом, все больше о предметах возвышенных, что ему стоило трудов немалых. "Эх! Взял бы да выпорол!" -- думал он иногда про себя, а вслух произносил: "Да, да, это... конечно; это вопрос". Дом свой мать Литвинова тоже поставила на европейскую ногу; слугам говорила "вы" и никому не позволяла за обедом наедаться до сопения. Что же касается до имения, ей принадлежавшего, то ни она сама, ни муж ее ничего с ним сделать не сумели: оно было давно запущено, но многоземельно, с разными угодьями, лесами и озером, на котором когда-то стояла большая фабрика, заведенная ревностным, но безалаберным баринном, процветавшая в руках плута-купца и окончательно погибшая под управлением честного антрепренера из немцев. Госпожа Литвинова уже тем была довольна, что не расстроила своего состояния и не наделала долгов. К несчастью, здоровьем она похвалиться не могла и скончалась от чахотки в самый год поступления ее сына в Московский университет. Он не кончил курса по обстоятельствам (читатель узнает о них впоследствии) и угодил в провинцию, где потолокся несколько времени без дела, без связей, почти без знакомых. По милости не

расположенных к нему дворян его уезда, проникнутых не столько западной теорией о вреде "абсентеизма" сколько доморощенным убеждением, что "своя рубашка к телу ближе, он в 1855 году попал в ополчение и чуть не умер от тифа в Крыму, где, не видав не одного "союзника", простоял шесть месяцев в землянке на берегу Гнилого моря; потом послужил по выборам, конечно не без неприятностей, и, пожив в деревне, пристрастился к хозяйству. Он понимал, что имение его матери, плохо и вяло управляемое его одряхлевшим отцом, не давало и десятой доли тех доходов, которые могло бы давать, и что в опытных и знающих руках оно превратилось бы в золотое дно; но он также понимал, что именно опыта и знания ему недоставало, -- и он отправился за границу учиться агрономии и технологии, учиться с азбуки. Четыре года с лишком провел он в Мекленбурге, в Силезии, в Карлсруэ, ездил в Бельгию, в Англию, трудился добросовестно, приобрел познания: нелегко они ему давались; но он выдержал иску до конца, и вот теперь, уверенный в самом себе, в своей будущности, в пользе, которую он принесет своим землякам, пожалуй, даже всему краю, он собирается возвратиться на родину, куда с отчаянными заклинаниями и мольбами в каждом письме звал его отец, совершенно сбитый с толку эманципацией, разверстанием угодий, выкупными сделками новыми порядками, одним словом... Но зачем же он в Бадене?

А затем он в Бадене, что он со дня на день ожидает приезда туда своей троюродной сестры и невесты -- Татьяны Петровны Вестовой. Он знал ее чуть не с детства и провел с ней весну и лето в Дрездене, где она поселилась с своей теткой. Он искренно любил, он глубоко уважал свою молодую родственницу и, окончив свою темную, приготовительную работу, собираясь вступить на новое поприще, начать действительную, не коронную службу, предложил ей, как любимой женщине, как товарищу и другу, соединить свою жизнь с его жизнью -- на радость и на горе, на труд и на отдых, "for better for worse", как говорят англичане. Она согласилась, и он отправился в Карлсруэ, где у него оставались книги, вещи, бумаги... Но

почему же он в Бадене, спросите вы опять? А потому он в Бадене, что тетка Татьяна, ее воспитавшая, Капитолина Марковна Шестова, старая девица пятидесяти пяти лет, добродушнейшая и честнейшая чудачка, свободная душа, вся горящая огнем самопожертвования и самоотвержения; esprit fort (она Штрауса читала -- правда, тихонько от племянницы) и демократка, заклятая противница большого света и аристократии, не могла устоять против соблазна хотя разочек взглянуть на самый этот большой свет в таком модном месте, каков Баден... Капитолина Марковна ходила без кринолина и стригла в кружок свои белые волосы, но роскошь и блеск тайно волновали ее, и весело и сладко было ей бранить и презирать их... Как же было не потешить добрую старушку?

Но оттого-то Литвинов так спокоен и прост, оттого он так самоуверенно глядит кругом, что жизнь его отчетливо ясно лежит пред ним, что судьба его определилась и что он гордится этою судьбой и радуется ей, как делу рук своих.

Humo (*un fragmento de la novela*)

(trad. de V. Gallego Ballester)

En esta obra se trata de la turbación y aturdimiento de un noble joven Grigori Mijáilovich Litvinov que encuentra al amor de su juventud Irina y destrata con su novia Tatiana. La novela es muy interesante por la combinación de una tragedia personal y la sátira social de la alta sociedad.

En este fragmento se describe la apariencia y el carácter de Grigori Litvinov, se cuenta en breve su vida hasta los acontecimientos actuales.

A algunos pasos del *árbol ruso* estaba sentado, ante una mesita del café Weber, un hombre de unos treinta años, de talla media, delgado, moreno y de rostro agradable y viril. Con las dos manos apoyadas en el puño de su bastón se hallaba tranquilo, como hombre al que no se le ocurría la idea de que pudiera llamar la atención de nadie, ni de que alguien se ocupara de él. Sus grandes ojos

oscuros y expresivos recorrían lentamente cuanto le rodeaba; algunas veces el sol le obligaba a entornar los párpados: pero cuando esto no ocurría, la mirada de aquel hombre se fijaba en alguna figura excéntrica que ante él pasaba, y entonces una sonrisa rápida, casi infantil, aparecía en sus labios, bajo el fino bigote. Llevaba un paletó de corte alemán, y un fieltro gris ocultaba la mitad de su amplia frente. La primera impresión que producía era la de un honrado y activo joven que tenía de sí mismo bastante buena opinión, como tantos otros en este mundo. Parecía tomarse descanso, después de largos trabajos, y gozar del cuadro que se ofrecía a sus ojos, y que, sin duda, era muy diferente del ambiente en que su vida se desarrollaba. Era ruso; se llamaba Gregorio Mijailovitch Litvinov. Hemos de trabar conocimiento con él y, por tanto, referir brevemente su pasado, libre, por lo demás, de incidentes complicados.

Hijo de un pequeño empleado perteneciente a la clase comercial, se crió en una aldea. Su madre era de origen noble, y mujer buena, exaltada y que no carecía de energía. Veinte años más joven que su marido, la dama había completado, en la medida de sus fuerzas, la educación del esposo. Ella le elevó por encima de la vulgaridad del ambiente de las oficinas y calmó y suavizó su carácter rudo y brutal. Merced a la influencia ejercida por esta dama, el marido se acostumbró a vestirse decentemente, a no decir procacidades, a portarse como una persona correcta y a estimar la ciencia y guardar consideración a las personas instruidas, aunque no se preocupara nunca de leer. Había llegado incluso a no andar atropelladamente, como antes era su costumbre, y a hablar, con voz doliente, de temas elevados, cosa que le había costado no poco trabajo lograr. A veces, sin embargo, el primitivo carácter reaparecía, y murmuraba entre dientes, cuando alguien le impacientaba: «¡Ah! ¡Con cuánto gusto le daría de palos!» Pero en seguida añadía en voz alta: «Sí; sin duda..., es una cuestión que se debe considerar.»

La madre de Litvinov había montado su casa a estilo europeo: no tuteaba a los criados y no permitía que a su mesa se comiera con glotonería. En cuanto a sus tierras, ni ella ni su marido habían sabido nunca administrarlas. Estaban muy

descuidadas, pero abarcaban gran extensión y contenían bosques, praderas y un lago, a cuya orilla había existido, en otro tiempo, una fábrica. Esta fábrica había sido creada por un dueño con más celo que experiencia; había prosperado luego entre las manos de un astuto mercader, y había decaído al pasar a poder de un honrado contratista alemán. La señora de Litvinov se contentaba con no arruinarse y no contraer deudas. Desgraciadamente, su salud era débil y murió tísica, en el mismo año en que su hijo entró en la Universidad de Moscú. Circunstancias que el lector conocerá después impidieron a Gregorio Litvinov terminar sus cursos. Regresó a la provincia, en donde vegetó durante algún tiempo sin ocupación, sin relaciones y casi sin conocimientos. Había encontrado poca benevolencia entre los hidalgos de su distrito, mucho menos penetrados de la teoría occidental acerca de los males que produce el *absentismo* que de la verdad de nuestro proverbio oriental que dice: «Nada está tan cerca de tu cuerpo como tu camisa». Estos hidalgos hicieron a Litvinov alistarse, por fuerza, entre los voluntarios patrióticos de 1855. Estuvo a punto de morir de tifus en Crimea, donde, sin ver a un solo *aliado*, permaneció durante seis meses en una choza de tierra, a orilla del mar Pútrido.

Más tarde desempeñó uno de los cargos electivos en su provincia, sufriendo los habituales contratiempos; y, a fuerza de vivir en el campo, se apasionó por la agricultura. Comprendió que las tierras de su madre, administradas sin inteligencia por su viejo padre, no rendían la décima parte de lo que podían producir en manos hábiles; pero comprendió, al mismo tiempo, que a él le faltaba experiencia, y, para adquirirla, viajó, estudiando seriamente la agronomía y la tecnología. Pasó cerca de cuatro años en el Mecklemburgo, en Silesia, en Carlsruhe; visitó Bélgica e Inglaterra; se aplicó concienzudamente y adquirió conocimientos. Le costó trabajo, pero había puesto empeño en sostener la prueba hasta el fin, y ahora, seguro de sí mismo, de su porvenir, del bien que podía hacer a sus conciudadanos y, ¿quién sabe?, quizás a toda Rusia, se disponía a regresar a sus tierras, desde las cuales le llamaba incesantemente su padre, completamente desorientado por la emancipación y todas las medidas que eran consecuencia de ella. Pero ¿por qué se detenía en Baden?

Se hallaba en Baden aguardando, de un día a otro, a su prima y novia, Taciana Petrovna Chestov. La conocía casi desde la infancia y había pasado con ella el verano anterior en Dresde, donde la joven vivía en compañía de su tía. Litvinov amaba sinceramente y con amor profundo a su prima, y en el momento de terminar sus oscuros trabajos preparatorios y de comenzar una nueva carrera, le había ofrecido unir su vida con la suya, *for better for worse*, como dicen los ingleses. Ella aceptó, y él se apresuró a volver a Carlsruhe para recoger sus libros y sus papeles. Pero —volveréis a preguntar— ¿por qué estaba en Baden?

Porque la tía de Taciana, Capitolina Marcovna Chestov —solterona de cincuenta y cinco años, estrafalaria y casi ridícula, pero buena y abnegada, demócrata y de espíritu fuerte (leía a Strauss, pero a escondidas de su sobrina), y enemiga jurada del gran mundo y de la aristocracia—, no había podido resistir a la tentación de echar, al menos por una vez, una ojeada a ese mismo gran mundo en lugar tan elegante como Baden. Capitolina Marcovna no usaba nunca crinolina y llevaba sus cabellos blancos recortados. El lujo y la ostentación la turbaban secretamente, y por ello le era muy grato expresar sin rebozo el desprecio que le inspiraban todas esas vanidades. ¿Cómo no dar satisfacción a la buena y vieja señora?

Y aquélla era la razón de que Litvinov estuviera tan tranquilo y contemplara con tanto aplomo cuanto le rodeaba. Su vida le aparecía en adelante libre de obstáculos, con el destino trazado, y se sentía orgulloso y satisfecho de aquella suerte, que consideraba como creación de sus propias manos.

Ответьте на вопросы:

- 1) Чем занимался И.С. Тургенев за границей?
- 2) О чем стихотворение «Русский язык»?
- 3) Как Тургенев описывает русский язык?
- 4) Как зовут героя из отрывка романа «Дым»?
- 5) Как автор описывает характер и внешность Литвинова?
- 6) Что мы знаем о прошлом Литвинова?
- 7) Почему Литвинов находится в Бадене?

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ КЛАССИК МИРОВОЙ ДРАМАТУРГИИ АНТОН ЧЕХОВ

(1860-1904)

Антон Павлович Чехов — русский писатель, прозаик, один из самых известных драматургов мира. А. Чехова считают классиком мировой литературы драматургии. Интересно, что по профессии он был врачом. Его произведения переведены более чем на 100 языков. Его пьесы ставятся во многих театрах мира.

Родился А.П. Чехов 17 января 1860 года в городе Таганроге (недалеко от г. Ростова-на-Дону, на юге России) в купеческой семье. Учился в греческой школе, затем в гимназии. В гимназии формировалось его видение мира, любовь к книгам и театру; здесь он получил свой первый литературный псевдоним — «Чехонтé». Тогда же Чехов публиковался в юмористических журналах, писал рассказы и сценки.

В 1876 году отец Чехова разорился, продал имущество и уехал в Москву. Антон был вынужден зарабатывать на жизнь частными уроками. В 1879 году он тоже переехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета. В последующие годы Чехов писал рассказы,

пьесы, фельетоны, юморески под различными псевдонимами, а затем и под своим настоящим именем.

В 1890 году поехал на остров Сахалин через Сибирь. В течение 5 следующих лет Чехов писал книгу «Остров Сахалин».

Имя Чехова-драматурга неразрывно связано с именами Владимира Немировича-Данченко и Константина Станиславского, а также с Московским Художественным театром, где ставились его пьесы..

Умер Антон Павлович Чехов 2 июля 1904 года от туберкулеза.

Самые известные произведения автора: пьесы – «*Чайка*», «*Дядя Ваня*», «*Три сестры*», «*Вишневый сад*», рассказы – «*Душечка*», «*Дуэль*», «*Толстый и тонкий*», «*Черный монах*», «*Палата №6*», «*Капитанка*», «*Хамелеон*» и многие другие.

EL CLÁSICO ILUSTRE DE LA DRAMATURGÍA MUNDIAL ***ANTÓN CHÉJOV***

Antón Pávlovich Chéjov es un escritor ruso, uno de los dramaturgos más famosos del mundo. Se considera un clásico de la Literatura y Dramaturgía Universal. De profesión era médico. Sus obras están traducidas a más de 100 idiomas. Sus obras de teatro gozan de fama mundial.

A.P. Chéjov nació el 17 de enero de 1860 en la ciudad de Taganrog (cerca de la ciudad Rostov del Don, al Sur de Rusia) en una familia de mercaderes. Estudió en una escuela griega, luego en un gimnasio, donde se formó su visión del mundo y su amor por libros y el teatro. Fue ahí donde recibió su primer pseudónimo de “Chejonté”. En aquella época Antón Chéjov escribió relatos y caricaturas publicandolos en revistas satíricas y humorísticas.

En 1876 el padre de Chéjov se arruinó, vendió todos sus bienes y salió para Moscú. Antón tuvo que ganarse la vida impartiendo clases privadas. En 1879

también se trasladó a Moscú e ingresó en la carrera de Medicina de la Universidad de Moscú. En los años posteriores Chéjov escribió relatos, obras de teatro, folletos y pequeñas obras humorísticas, primeramente lo hizo bajo diferentes pseudónimos, luego en nombre propio.

En 1890 se puso en camino hacia la isla Sajalín y atravesó toda la Siberia. Durante los 5 años posteriores estuvo escribiendo el libro “Un viaje a Sajalín”.

Las obras teatrales de Chéjov están estrechamente ligadas al Teatro de Arte de Moscú. En el teatro A. Chéjov colaboró fructíferamente con Vladímir Nemiróvich-Dánchenko y Konstantín Stanislavski.

Antón Pávlovich Chéjov se murió el 2 de julio de 1904 de tuberculosis.

Las obras más conocidas de Chéjov son: de teatro – «*La gaviota*», «*Tío Vania*», «*Las tres hermanas*», «*El jardín de los cerezos*», relatos – «*Duschechka*», «*El duelo*», «*El gordo y el flaco*», «*El monje negro*», «*El pabellón n.º 6*», «*Kashtanka*», «*El camaleón*» y muchos otros.

***Si Ud. todavía no puede leer el texto siguiente en ruso (sin adaptación), aproveche la oportunidad para leer su **versión española** en este mismo Libro de Textos (*puede encontrar una versión española después del texto original*).

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов.— Ребята, не пушай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстегнутой жилетке». Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!..— говорит городовой.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!» да и самый палец имеет вид знамени победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу.— Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю...— начинает Хрюкин, кашля в кулак.— Насчет дров с Митрий Митричем,— и вдруг эта подлая ни с того, ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пушай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевелю... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо...— говорит Очумелов строго, кашля и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак

распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин,— обращается надзиратель к городовому,— узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — кричит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину.— Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врешь кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом... А ежели я вру, так пушай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская...— глубокомысленно замечает городовой.— У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?!.. Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или

Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская...— думает вслух городской.— На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего,— говорит Очумелов.— Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и всё.

— Это не наша,— продолжает Прохор.— Это генералова брата, что наемднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления.— Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцык этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

EL CAMALEÓN

(trad. René Portas)

Por la plaza del bazar va el inspector policial Ochumiélov, con un capote nuevo y un hatillo en la mano. Tras él camina un alguacil pelirrojo con una rejilla, llena hasta arriba de grosellas confiscadas. Alrededor silencio... En la plaza no hay ni un alma... Las puertas abiertas de las tiendas y las tabernas miran al mundo de Dios con melancolía, como fauces hambrientas, junto a éstas no hay ni siquiera mendigos.

-¿Así tú, a morder, maldito? —oye de pronto Ochumiélov. -¡Chicos, no lo suelten!
¡Ahora no se manda a morder! ¡Agárralo! ¡A... ah!

Se oye un aullido canino. Ochumiélov mira a un costado y ve: desde el almacén de leña del mercader Pichúguin, saltando en tres patas y mirando alrededor, corre un perro. Lo persigue un hombre con un camisón de indiana almidonado y el chaleco desabrochado. Éste corre tras aquel y, tras hacerse con el tronco hacia adelante, cae sobre la tierra y agarra al perro por las patas traseras. Se oye por segunda vez el aullido canino y un grito: “¡No lo sueltes!” Desde las tiendas se asoman fisonomías soñolientas, y pronto alrededor del almacén de leña, como salida de la tierra, se reúne una multitud.

-¡Seguro un desorden, su excelencia!.. —dice el alguacil.

Ochumiélov da media vuelta a la izquierda y camina hacia el tumulto. Junto a los mismos portones del almacén, ve él, el hombre con el chaleco desabrochado está parado y, alzando la mano derecha, muestra a la multitud un dedo sangriento. En

su rostro medio ebrio como que está escrito: “¡Ya te la voy a sacar, bribón!”, y el mismo dedo tiene el aspecto de la bandera de la victoria. En el hombre Ochumiélov reconoce al orfebre Jriúkin. En el centro de la multitud, con las patas delanteras extendidas y todo el cuerpo temblando, está sentado en la tierra el mismo culpable del escándalo, un cachorro de galgo blanco, con un hocico afilado y una mancha amarilla en el lomo. En sus ojos llorosos hay una expresión de angustia y horror.

-¿Por qué caso aquí? –pregunta Ochumiélov, entrando en la multitud. -¿Por qué aquí? ¿Eso tú, para qué el dedo?.. ¿Quién gritó?

-Voy yo, su excelencia, no toco a nadie... -empieza Jriúkin, tosiendo en el puño. – Por leña con Mítrii Mítrich, y de pronto este vil, ni por lo uno ni lo otro, por el dedo... Usted discúlpeme, yo soy un hombre trabajador... Tengo un trabajo pequeño. Que me paguen, porque este dedo, puede ser, no lo voy a mover una semana... Eso, su excelencia, no está ni en la ley, sufrir por los bichos... Si cada uno va a morder, pues mejor no vivir en este mundo...

-¡Hum!.. Está bien... -dice Ochumiélov con severidad, tosiendo y moviendo las cejas. –Está bien... ¿De quién es el perro? Yo esto no lo voy a dejar así. ¡Yo les voy a enseñar a ustedes, cómo soltar a los perros! ¡Ya es hora de prestarle atención a esos señores, que no desean subordinarse a las resoluciones! ¡Cuando lo multen, al miserable, así me va a saber, qué significa un perro y demás ganado ambulante! ¡Le voy a enseñar la higa de la madre!.. ¡Yeldírin, -se dirige el inspector al alguacil, -averigua de quién es ese perro, y levanta un acta! Y al perro hay que aniquilarlo. ¡Sin demora! Seguro está rabioso... ¿De quién es este perro, pregunto?

-¡Ese, al parecer, es del general Zhigálov! –dice alguien de la multitud.

-¿Del general Zhigálov? ¡Hum!.. Quítame pues, Yeldírin, el paletó... ¡Un horror, qué calor! Se debe suponer, antes de la lluvia... Sólo una cosa no entiendo: ¿cómo te pudo morder? –se dirige Ochumiélov a Jriúkin. -¿Acaso te alcanza al dedo? ¡Él

es chiquito, y tú pues, mira qué grandote eres! Tú, debe ser, te arañaste el dedo con un clavito, y después te vino la idea a la cabeza, para sacar. Tú pues... ¡gente conocida! ¡Los conozco a ustedes, diablos!

-Él, su excelencia, con un cigarro a él por la jeta, para reírse, y éste, que no es tonto, lo mordió... ¡Un hombre camorrista, su excelencia!

-¡Mientes, jorobado! No lo viste; así, por lo tanto, ¿para qué mentir? Su excelencia es un señor inteligente y entiende, quién miente y quién a conciencia, como ante Dios... Y si yo miento, pues que el juez de paz juzgue. En su ley está dicho... Ahora todos son iguales... Yo mismo tengo un hermano gendarme... si quiere saber...

-¡No replicar!

-No, ése no es del general... -observa el alguacil con profundidad de pensamiento.

-El general no tiene de éstos. Él tiene más de los sabuesos...

-¿Tú eso, lo sabes bien?

-Bien, su excelencia...

-Yo mismo lo sé. El general tiene perros caros, de raza... y éste, ¡el diablo sabe qué! Ni lana, ni aire... vileza, solamente. ¡¿Y tener un perro así?! ¿Dónde pues tienen la mente? Si ese perro cayera en Petersburgo o en Moscú, ¿pues saben lo que sería? Allí no mirarían la ley, al momento, ¡no respire! Tú, Jriúkin, sufriste, y no dejes este asunto así... ¡Hay que dar una lección! Ya es hora...

-Y puede ser, es del general... -piensa en voz alta el alguacil. -No lo tiene escrito en el morro... Hace poco, en el patio, le vi uno así.

-¡Seguro es del general! -dice una voz desde la multitud.

-Hum!.. Ponme pues, Yeldírín, el paletó... Como que sopló el viento... Da escalofríos... Se lo llevas al general y preguntas allí. Dices que yo lo encontré y lo mandé... Y di que no lo suelten a la calle... Puede ser es caro, y si cada cerdo le va a meter un cigarro por el hocico, pues lo va a dañar acaso por largo tiempo. El perro es un bicho tierno... ¡Y tú, estúpido, baja la mano! ¡No tienes por qué exponer tu dedo, imbécil! ¡Tú mismo eres el culpable!..

-Va el cocinero del general, vamos a preguntarle... ¡Hey, Prójor! ¡Ven acá pues, querido! Mira este perro... ¿Es de ustedes?

-¡Inventas! ¡De éstos nosotros, desde que yo nací, no hemos tenido!

-Y no hay por qué preguntar mucho ahí, -dice Ochumiélov. -¡Es callejero! No hay por qué conversar mucho ahí... Si dije que es callejero, por lo tanto es callejero... A aniquilarlo, eso es todo.

-Ése no es de los nuestros, -continúa Prójor. -Ése es del hermano del general, que vino hace poco. El nuestro no es aficionado a los galgos. Su hermano es aficiona...

-¿Pero acaso su hermano vino? ¿Vladímir Ivánich? -pregunta Ochumiélov, y todo su rostro se inunda de una sonrisa de ternura. -¡Mira tú, señor! ¡Y yo no lo sabía! ¿Vino a visitar?

-De visita...

-Mira tú, señor... Extrañamos al hermanito... ¡Y yo pues no lo sabía! ¿Así, éste es su perrito? Me alegro mucho... Tómalo... El perrito no está mal... Ágil así... ¡Coge a éste por el dedo! Ja-ja-ja... ¿Bueno, por qué tiemblas? Rrr... Rr... Se enoja el bribón... Pillo así.

Prójor llama al perro y se va con él del almacén de leña... La multitud se ríe de Jriúkin.

-¡Yo te voy a agarrar todavía! -lo amenaza Ochumiélov y, arrojándose con el capote, continúa su camino por la plaza del bazar.

Ответьте на вопросы:

- 1) Кем был А.П. Чехов по профессии?
- 2) Какой псевдоним получил А.П. Чехов в гимназии?
- 3) Назовите самые известные пьесы А.П. Чехова.
- 4) Кто в рассказе «Хамелеон» – хамелеон? Почему?
- 5) Почему Хрюкин ругает собаку?
- 6) Собака породистая? Какой породы?
- 7) Кто хозяин собаки?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И «КРЕСТЬЯНСКАЯ» ПОЭЗИЯ

(1892-1925)

Сергей Александрович Есенин, русский поэт, родился 21 сентября 1895 года в селе Константиново Рязанской губернии в семье крестьянина. В 1913 году поступил в Городской народный университет Шанявского в Москве.

Впервые стихотворения Есенина были опубликованы в 1914 году. В своей лирике Есенин описывает русскую природу и пейзажи с особым психологизмом. Основная тема поэзии Есенина – крестьянская Русь.

В 1921 году Есенин женился на известной американской танцовщице Айседоре Дункан. После свадьбы он много путешествовал по Европе, США. Но в 1923 году пара распалась, и Есенин вернулся в Москву.

Осенью 1925 года поэт женился на внучке Л. Толстого. Новая жена поместила его в психоневрологическую больницу по причине его депрессии, алкогольной зависимости, давления со стороны властей. Есенин бежал в Ленинград. 28 декабря 1925 года его нашли повешенным в гостинице «Англетер». До сих пор ведутся споры о том, было ли это самоубийством или убийством, так как поэзия С.А. Есенина обладала огромным влиянием на людей.

Самые известные произведения: *«Письмо к женщине»*, *«Черный человек»*, *«Анна Снегина»* (поэмы), *«Берёза»*, *«Гой ты, Русь, моя родная»*, *«Не жалею, не зову, не плачу»* и другие стихотворения.

SERGUÉI YESENIN Y LA POESÍA “CAMPELINA”

Serguéi Aleksándrovich Yesenin, un destacado y genuino poeta ruso, nació el 21 de septiembre de 1895 en la aldea de Konstantínovo cerca de la ciudad de Ryazán en una familia de campesinos. En 1913 se matriculó en la Universidad Popular Shanyavskiy de Moscú.

Por primera vez sus versos fueron publicados en 1914. En su poesía Serguéi Yesenin describe la naturaleza y paisajes rusos con psicologismo extraordinario y particular. El tema principal de su poesía es la Rus' Campesina, la Rus' de Campo.

En 1921 S.A. Yesenin se casó con la bailarina estadounidense Isadora Duncan. Después de la boda viajó mucho por Europa y Estados Unidos. Pero en 1923 la pareja se separó y Yesenin regresó a Moscú.

En otoño de 1925 se casó con la nieta de León Tolstoi. Su mujer lo internó en el hospital psiconeurológico por su depresión, dependencia alcohólica y la presión por parte de las autoridades. S. Yesenin se huyó a la ciudad de Leningrado.

El 28 de diciembre de 1925 lo encontraron ahorcado en el Hotel “Angleterre”. Hasta hoy día no se sabe lo que sucediera: asesinato o suicidio, es que Serguéi Yesenin era un hombre realmente carismático y su poesía podía influir muchísimo a la gente.

Sus obras más conocidas son: *«Carta a una mujer»*, *«El hombre negro»*, *«Ana Snéguina (poemas)»*, *«El abedul»*, *«Oh, tu, Rus, querida mía»*, *«No me lamento, no llamo, no lloro»* y otros versos.

Береза

(1913)

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежную каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.
И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

"Не жалею, не зову, не плачу..."

(1921)

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

El Abedul

(trad. de Tomás Nuño Oraá)

El blanco abedul
de mi ventana
se cubrió de nieve
como de plata.
En sus ramas sedosas
de nieve orladas
brotaron los racimos
en franjas blancas.
Y permanece el abedul
en un silencio somnoliento,
y arden los copos de nieve
en un dorado fuego.
Y la aurora, con pereza
rondando alrededor,
cubre las ramas
de nueva plata.

"No me lamento, no llamo, no lloro..."

(trad. de Olga Starovoitova y José Jiménez)

No me lamento, no llamo, no lloro,
todo pasará como humo de manzanos blancos.
Preso del oro del marchitamiento,
Ya jamás seré joven.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

Ahora ya no vas a batir
corazón, tocado por un frío.
Y el país de percal de los abedules
no me invitará para vagar descalzo.

Ánimo de vagabundo, ya muy raramente
avivarás la llama de los labios.
Oh, mi perdida frescura,
alboroto de los ojos, inundación de los sentidos.

Ahora soy más avaro en deseos,
¿Vida mía? ¿O acaso me has soñado?
Como si en resonante madrugada de abril
hubiera galopado sobre un caballo rosa.

Todos, todos en este mundo somos perecederos,
sin ruido se derrama el cobre de los arces...
Que sea bendito eternamente
todo lo que llegó para florecer y morir.

Ответьте на вопросы:

- 1) Из какой семьи происходит С. Есенин?
- 2) Какая тема считается основной в его творчестве?
- 3) Какое время года описывает поэт в стихотворении «Береза»?
- 4) С помощью каких прилагательных Есенин описывает снег?
- 5) Что символизирует береза?
- 6) О чем стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу...»?
- 7) Есть ли разница в настроении между двумя стихотворениями?

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ – ВЕРНЫЙ ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ

(1893 – 1930)

Владимир Владимирович Маяковский, русский и советский поэт, родился 7 июля 1893 года в селе Багдати, Грузия, в семье лесничего. В 1906 году переехал в Москву вместе с матерью. Там В. Маяковский вступил в Российской социал-демократической рабочей партии.

В 1911 году Владимир Маяковский поступил в Московское училище живописи. Затем он увлекся творчеством футуристов. В 1923 году создал творческое объединение ЛЕФ (Левый фронт искусств).

В 1922 -1924 годы В. В. Маяковский посещает Германию, Францию, Латвию. В 1925 году совершил путешествие в США, Мексику, Гавану.

Возлюбленной и музой поэта, как и источником его душевных мук, была Лиля Брик. Она устраивала ему выступления и активно поддерживала его творчество. Долгое время В. Маяковский жил в одной квартире с ней и ее мужем.

В начале 1930 года поэт много болел. Его душевное состояние ухудшалось. 14 апреля 1930 года Владимир Владимирович Маяковский застрелился.

Самые известные произведения поэта: *«Я!»*, *«Наме!»*, *«Владимир Маяковский»*, *«Облако в штанах»*, *«Флейта-позвоночник»*, *«Мистерия-буфф»*, *«Владимир Ильич Ленин»*, *«Хорошо!»* и множество стихотворений, например, *«Послушайте!»*.

VLADÍMIR MAYAKOVSKI – UN POETA LEAL DE LA REVOLUCIÓN

Vladimir Vladímirovich Mayakovski, un poeta y dramaturgo revolucionario ruso y soviético, nació en la familia de un inspector forestal el 7 de julio de 1893 en la aldea Baghdati de Georgia,. En 1906 se trasladó con su madre a Moscú. Se afilió al Partido Obrero Socialdemócrata de Rusia.

En 1911 ingresó en la Academia de pintura de Moscú y fue atraído por las obras de futuristas. En 1923 fundó una asociación artística creativa llamada LEF (Frente de Izquierda de las Artes).

En los años 1922-1924 visitó Alemania, Francia, Letonia. En 1925 viajó por los Estados Unidos, México, La Habana. Она устраивала ему выступления и активно поддерживала его творчество. В. Маяковский жил в одной квартире с ней и ее мужем.

La amante y la musa de V. Mayakovski al igual que su angustia era Lilya Brik. Le organizaba conciertos y apoyaba mucho en su poesía. Durante mucho tiempo Vladimir Mayakovski vivió con ella y con su marido en un apartamento.

A principios de 1930 el poeta se sintió muy enfermo. Su estado mental iba agravándose. Vladimir Mayakovski se suicidó de un disparo en el corazón el 14 de abril de 1930.

Las obras más conocidas de Vladimir Mayakovski son: «*Yo mismo*», «*¡Vea Ud.!*», «*Vladimir Mayakovski*», «*La Nube en Pantalones*», «*La Flauta Vertebral*», «*Misterio bufo*», «*Vladimir Ilich Lenin*», «*¡Bien!*» y muchos versos, como «*¡Escuchen!*».

Послушайте!

(1914)

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают —

значит — это кому-нибудь нужно?

Значит — кто-то хочет, чтобы они были?

Значит — кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

¡Escuchen!

(Trad. de Lila Guerrero)

¡Escuchen!

¿Si las estrellas se encienden,

quiere decir que a alguien les hace falta,

quiere decir que alguien quiere que existan,

quiere decir que alguien escupe esas perlas?

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную мýку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Alguien, esforzándose,
entre nubes de polvo cotidiano,
temiendo llegar tarde,
corre hasta llegar hasta Dios,
y llora,
le besa la mano nudosa,
implora,
exige una estrella,
jura,
no soportará un cielo sin estrellas,
luego anda inquieto,
pero tranquilo en apariencia,
le dice a alguien:
"¿Ahora estás mejor, verdad?
¿Dime, tienes miedo?"
¡Escuchen!
¿Si las estrellas se encienden,
quiere decir que a alguien les hace falta,
quiere decir que son necesarias,
quiere decir que es indispensable,
que todas las noches,
sobre cada techo,
se encienda aunque más no sea una estrella?

Ответьте на вопросы:

- 1) Как называлось творческое объединение, которое создал Маяковский?
- 2) В рамках какого творческого направления работал В. Маяковский?
- 3) Назовите известные произведения В. Маяковского.
- 4) О чем стихотворение «Послушайте!»?
- 5) Найдите в тексте, как В. Маяковский называет звезды?

**МИХАИЛ ШОЛОХОВ – ЗНАМЕНИТЫЙ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ,
ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ**

(1905-1984)

Михаил Александрович Шолохов, советский писатель, родился 24 мая 1905 года на хуторе Кружилин (рядом с г. Ростовом-на-Дону, на юге России). Участвовал в Первой мировой войне (1914-1918), а затем в Гражданской войне (1917-1922).

В 1917 году, воодушевленный идеями большевиков, он присоединился к Красной армии. Затем М. А. Шолохов работал журналистом и издателем. После победы большевиков, Шолохов переехал в Москву и начал карьеру писателя. Он вступил в Коммунистическую партию в 1932 году, а в 1937 был избран депутатом Верховного Совета СССР. В 1959 году Шолохов сопровождал Никиту Хрущева в его путешествии по Западной Европе и США.

За роман «Тихий Дон» Шолохов был удостоен Ленинской премии в 1941 году. Творчество Шолохова получило и международное признание. В 1965 году он стал Лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Многие произведения М.А. Шолохова посвящены его родной земле, земле донских казаков, поэтому в них большое количество слов, описывающих детали их быта, обычаи и традиции.

Михаил Александрович Шолохов скончался от рака 21 февраля 1984 года.

Самые известные произведения писателя: *«Донские рассказы»*, *«Тихий Дон»*, *«Поднятая целина»*, *«Они сражались за Родину»*, *«Судьба человека»* и другие.

***MIJAÍL SHÓLOJOV – UN FAMOSO ESCRITOR SOVIÉTICO,
LAUREADO DEL PREMIO NOBEL DE LITERATURA***

Mijaíl Aleksándrovich Shólojov, un novelista soviético, nació el 24 de mayo de 1905 en el jútor (una aldea) de Kruzhíline (cerca de Rostov del Don, al Sur de Rusia). Luchó en la Primera Guerra Mundial (1914-1918) y luego en la Guerra Civil Rusa (1917-1922).

En 1917, conmovido por las ideas de los bolcheviques, Mijaíl Shólojov se alistó al Ejército Rojo; luego trabajó como periodista y editor. Después del triunfo bolchevique M. Shólojov se trasladó a vivir en Moscú, donde comenzó su carrera como escritor. Ingresó en el Partido Comunista en 1932 y en 1937 fue elegido Diputado del Soviet Supremo de la URSS. En 1959 Mijaíl Aleksándrovich Shólojov acompañó a Nikita Jruschov en su viaje por Europa Occidental y Estados Unidos.

La publicación de su novela *«El Don apacible»* consiguió el Premio Lenin en 1941. El escritor obtuvo reconocimiento internacional por sus logros en el campo literario, y en 1965 se le otorgó el Premio Nobel de Literatura.

Muchas obras de M. Shólojov están dedicadas a su tierra natal, a la Tierra de cosacos del Don, por eso en éstas abundan palabras que describen su vida cotidiana, costumbres y tradiciones.

Mijaíl Aleksándrovich Shólojov se murió de cáncer el 21 de febrero de 1984.

Las obras más conocidas del escritor son: *«Cuentos del Don»*, *«El Don apacible»*, *«Campos roturados»*, *«Lucharon por la Patria»*, *«El destino de un hombre»* y otras.

Тихий Дон (отрывок из романа)

В этом произведении рассказывается о жизни казачьей семьи Мелеховых, прошедших через Первую мировую и Гражданскую войну и переживших много потерь. В центре повествования – молодой (на момент начала романа) казак Григорий Мелихов, который влюбляется в чужую жену, Аксинью.

В этом отрывке рассказывается о том, как Григорий с отцом поехали на рыбалку, после которой отец запретил Григорию видеться с Аксиньей. Отрывок интересен также обилием донских диалектизмов.

Григорий нетерпеливо жевал размокший конец самокрутки. Неяркое солнце стало в полдуба. Пантелей Прокофьевич израсходовал всю приваду и, недовольно подобрав губы, тупо глядел на недвижный конец удилица.

Григорий выплюнул остаток сигарки, злобно проследил за стремительным его полетом. В душе он ругал отца за то, что разбудил спозаранку, не дал выспаться. Во рту от выкуренного натошак табака воняло припаленной щетиной. Нагнулся было зачерпнуть в пригоршню воды - в это время конец удилица, торчавший на пол-аршина от воды, слабо качнулся, медленно пополз книзу.

- Засекай! - выдохнул старик.

Григорий, встрепенувшись, потянул удилице, но конец стремительно зарылся в воду, удилице согнулось от руки обручем. Словно воротом, огромная сила тянула вниз тугое красноталовое удилице.

- Держи! - стонал старик, отпихивая баркас от берега.

Григорий силился поднять удилище и не мог. Сухо чмокнув, лопнула толстая леса. Григорий качнулся, теряя равновесие.

- Ну и бугай! - прищепывал Пантелей Прокофьевич, не попадая жалом крючка в насадку.

Взволнованно посмеиваясь, Григорий навязал новую лесу, закинул. Едва грузило достигло дна, конец погнуло.

- Вот он, дьявол!.. - хмыкнул Григорий, с трудом отрывая от дна метнувшуюся к стремени рыбу.

Леса, пронзительно брунжа, зачертила воду, за ней косым зеленоватым полотном вставала вода. Пантелей Прокофьевич перебирал обрубковатыми пальцами держак черпала.

- Заверни его на воду! Держи, а то пилой рубанет!

- Небось!

Большой изжелта-красный сазан поднялся на поверхность, вспенил воду и, угнув тупую лобастую голову, опять шарахнулся вглубь.

- Давит, аж рука занемела... Нет, погоди!

- Держи, Гришка!

- Держу-у-у!

- Гляди под баркас не пушай!.. Гляди!

Переводя дух, подвел Григорий к баркасу лежавшего на боку сазана. Старик сунулся было с черпалом, но сазан, напрягая последние силы, вновь ушел в глубину.

- Голову его подымай! Нехай глотнет ветру, он посмирнеет.

Выводив, Григорий снова подтянул к баркасу измученного сазана. Зевая широко раскрытым ртом, тот ткнулся носом в шершавый борт и стал, переливая шевелящееся оранжевое золото плавников.

- Отвоевался! - крикнул Пантелей Прокофьевич, поддевая его черпаком.

Посидели еще с полчаса. Стихал сазаний бой.

- Сматывай, Гришка. Должно, последнего запрягли, ишо не дождемся.

Собрались. Григорий оттолкнулся от берега. Проехали половину пути. По лицу отца Григорий видел, что хочет тот что-то сказать, но старик молча поглядывал на разметанные под горой дворы хутора.

- Ты, Григорий, вот что... - нерешительно начал он, тербя завязки лежавшего под ногами мешка, - примечаю, ты, никак, с Аксиньей Астаховой...

Григорий густо покраснел, отвернулся. Воротник рубахи, врезааясь в мускулистую прижженную солнцегревом шею, выдавил белую полоску.

- Ты гляди, парень, - уже жестко и зло продолжал старик, - я с тобой не так загуарю. Степан нам сосед, и с его бабой не дозволю баловать. Тут дело может до греха разыграть, а я наперед упреждаю: примечу - запорю!

Пантелей Прокофьевич ссучил пальцы в узловатый кулак, - жмуря выпуклые глаза, глядел, как с лица сына сливала кровь.

- Наговоры, - глухо, как из воды, буркнул Григорий и прямо в синеватую переносицу поглядел отцу.

- Ты помалкивай.

- Мало что люди гутарют...

- Цыц, сукин сын!

Григорий слег над веслом. Баркас заходил скачками. Завитушками

заплясала люлюкающая за кормой вода.

До пристани молчали оба. Уже подъезжая к берегу, отец напомнил:

- Гляди не забудь, а нет - с нынешнего дня прикрыть все игрища. Чтоб с базу ни шагу. Так-то!

El Don apacible (*un fragmento de la novela*)

(trad.de Pedro Camacho)

En esta obra se trata de la vida de una familia de cosacos Mélijov que pasaron por un montón de pérdidas de la Primera Guerra Mundial y de la Guerra Civil. El protagonista de la novela es Grigori Mélijov que al principio del libro todavía es un cosaco joven enamorado de Aksinya, la mujer de su vecino.

En el fragmento siguiente Grigori va a pescar con su padre que le prohíbe encontrarse con Aksinya. Cabe destacar que en este episodio hay muchos dialectismos de la tierra del río Don.

Grigori escupió la colilla, siguiéndola con una mirada de furia. Maldecía interiormente a su padre por haberle despertado tan pronto. El tabaco, fumado en ayunas, le había dejado un sabor acre en la boca. Se inclinó para coger agua en la palma dé la mano; pero, en aquel momento, su caña osciló, inclinándose lentamente hacia el río.

—¡Tira! —murmuró el anciano—. ¡Asfíxiale! Grigori, sobresaltado, tiró de la caña, pero ésta se curvó y su extremo hundióse en el agua. Una fuerza desmesurada arrastraba hacia el fondo la flexible caña de madera de sauce.

—Aguanta firme —gritó el viejo, separando la barca de la orilla.

Grigori esforzábese en levantar la caña; pero perdió el equilibrio, vaciló un momento y estuvo a punto de caer. El sedal se rompió.

—Ése no es un pez, es un buey — gruñó Pantelei Prokofievich, cebando de nuevo el sedal.

Grigori, riendo nerviosamente, preparó otro sedal y lo arrojó al agua. Apenas el plomo hubo tocado el fondo, la caña se curvó de nuevo.

—¡Ah! ¡Ya te tengo, demonio! — exclamó Grigori, halando con trabajo el pez, que se debatía furiosamente, tratando de seguir la corriente.

El sedal surcaba el agua en zig-zag, vibrando como una cuerda templada. Pantelei Prokofievich apretaba fuertemente la manga de la red, dispuesto a atrapar el pez tan pronto como surgiera.

—¡Sácalo a flote! ¡Ten cuidado con la cola!

—No temas, sé muy bien lo que me hago.

Una enorme carpa, amarilla y roja, asomó a la superficie, haciendo burbujear el agua en rededor; pero pronto, hundiendo su larga cabeza plana, se sumergió en el río.

—¡Tira de tal modo, que me dan calambres en el brazo! ¡No! ¡No te saldrás con la tuya!

—¡Aguanta firme, Grichka!

—¡Ya lo hago!

—Procura que no pase bajo la barca.

Jadeando, Grigori arrastró hacia la barca el pez, acostado sobre el flanco. El viejo trató de atraparle con la red; pero la carpa, dando un coletazo desesperado, hundióse una vez más en el río.

—¡Sácale la cabeza fuera del agua! Cuando haya tragado algo de aire se calmará.

Grigori arrastró de nuevo, con precaución, a la superficie, el pez, que, agotado, con la boca abierta, golpeóse la cabeza en la barca quedando inmóvil. El sol naciente se reflejaba en sus aletas de color oro rojo.

—Te has debatido demasiado y ahora estás rendido —gruñó Pantelei Prokofievich, halándole con la red.

Permanecieron allí media hora más. Pero las carpas se habían dispersado ya.

—Recoge los sedales, Grichka, creo que hemos pescado la última. Ya no habrá más.

Arreglaron los trebejos de pesca. Grigori apartó la barca de la orilla. Al llegar al centro del río, Grigori comprendió, por la expresión de su padre, que éste quería decirle alguna cosa; pero el viejo contemplaba en silencio las dependencias de su finca, al pie de la colina.

—Oye, Grigori —comenzó, al fin, con indecisión, retorciendo en sus dedos la cuerda atada al saco que reposaba entre sus piernas—. He notado que algo pasa entre tú y Axinia Astakhov.

Grigori enrojeció hasta las orejas y volvió la cara.

—Atiende, muchacho —continuó el padre en tono duro y descontento—; podría hablarte de otro modo. Stefan es nuestro vecino y no te permitiré cortejar a su mujer. Este asunto podría acabar en un pecado.

Te advierto que, si vuelvo a advertir algo, te daré de palos. Pantelei Prokofievich apretó el puño nudoso y, frunciendo las cejas, observó cómo fluía la sangre al rostro de su hijo.

—Es una calumnia —replicó Grigori sordamente, mirando a su padre el entrecejo.

—¡Cállate!

—¡Si ha de dar oídos a todos los chismes!

—¡Silencio, hijo de perra!

Grigori se puso a remar con rabia. La barca avanzaba a trancos, dejando tras de sí un surco espumoso.

Guardaron silencio hasta llegar al desembarcadero. Al acercarse a la orilla, el padre volvió sobre el mismo tema:

—¡Ten cuidado! No olvides lo que he dicho. De lo contrario, a partir de hoy, no saldrás más a divertirte. No darás un paso más fuera del patio. Sucederá como te lo digo.

Ответьте на вопросы:

- 1) В каком году М.А. Шолохов получил Нобелевскую премию?
- 2) Чем, помимо писательской деятельности, занимался М.А. Шолохов?
- 3) Назовите самые известные произведения автора.
- 4) Удалось ли поймать рыбу?
- 5) Опишите рыбу.
- 6) За что Пантелей Прокофьевич ругает Гришку?

Учебное издание

**Карповская Наталья Валерьевна
Голстова Дарья Андреевна
Давтянц Ирина Игоревна**

Русская литература. Вводный курс.

Учебное пособие

для испаноговорящих обучающихся
(элементарный уровень)

Подписано в печать 29.11.2017.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 4,19. Уч.-изд. л. 2,78.
Бумага офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 6056.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1. Тел. (863) 247-80-51.